

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

1/2025

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

СОДЕРЖАНИЕ

Шесть волшебных точек	1
-----------------------	---

К 100-летию ВОС У истоков отечественного книгопечатания по Брайлю	11
---	----

Екатерина Шевичева. Астенопия: что скрывают усталые глаза	19
--	----

Евгения Зуева. «Собиратель зёрен»	31
-----------------------------------	----

ПРОБА ПЕРА Матвей Медянцев. Коряга	42
---------------------------------------	----

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Эвольт Вунш. Стихи	49
Как стихи становятся песней	51

АЗ, БУКИ, ВЕДИ Андрей Сунгуров. Стихи	69
Елена Амбросова. Семь слоников	71

Константин Арбенин. Заговорщики на каникулах	87
--	----

ШЕСТЬ ВОЛШЕБНЫХ ТОЧЕК

Ежегодно 4 января во всём мире отмечается День азбуки Брайля. Он учреждён Генеральной Ассамблеей ООН и появился в календаре Международных дней и недель ООН в 2019 году. Эта дата была выбрана не случайно: именно в этот день исполнилось 210 лет со дня рождения Луи Брайля, французского тифлопедагога, навсегда изменившего жизнь незрячих людей. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17 ноября 2018 года говорится, что этот памятный день учреждён для повышения осведомлённости о значении азбуки Брайля как одного из средств полной реализации прав слепых и слабовидящих людей.

Луи Брайль создал универсальный и лаконичный шрифт для незрячих, который используют во всем мире по сей день. Рельефно-точечная система Брайля позволяет записывать буквы, цифры, знаки препинания, математические, физические и химические формулы, ноты и многое другое. Предложенная Луи Брайлем система завоевала безусловный и всемирный успех и открыла незрячим людям возможности читать, писать, учиться, реализовывать свои способности без посторонней помощи. Однако путь к её признанию был долгим и непростым.

Луи Брайль на практике осуществил свою идею рельефно-точечного шрифта в 1825 году (ему было 16 лет), а опубликовал своё изобретение после доработок в 1829 году. Новую систему сначала не приняли, но он всё-таки сумел доказать, что удобный для пальцев шрифт не обязан повторять шрифт, удобный для глаз.

Луи Брайль родился 4 января 1809 года в городке Кувре недалеко от Парижа. Мальчик был болезненным,

но обладал живым характером и предпочитал проводить время в мастерской отца. В три года Луи, подражая отцу, попытался проколоть острым шилом толстый кусок кожи. Инструмент отлетел мальчику в глаз. Несмотря на то что на следующий день Луи отвезли к парижскому хирургу, сохранить глаз не удалось. На второй глаз перекинулось воспаление, вызванное раной, и в 5 лет мальчик ослеп.

Отец боялся, что мальчика может постигнуть судьба попрошайки на паперти или слепого музыканта на ярмарке, поэтому после того, как Луи окреп после болезни, он начал учить сына всему тому, что может потребоваться в жизни. Много читал ему вслух и начал учить его читать, для этого он обойными гвоздями выбил на деревянной доске выпуклые буквы — весь алфавит. Возможно, с этой доски и начался брайлевский алфавит. Она дала идею: гвоздь с выпуклой шляпкой вбивается в доску — рельеф, отверстие и выпуклость.

В 1819 году, когда мальчику исполнилось 10 лет, родители отвезли его в Парижский институт для слепых. С тех пор вся жизнь Луи Брайля была связана с институтом.

Он учился у Франсуа Лезюэра, первого и лучшего ученика Валентина Гаюи (1745 — 1822), основателя Парижского института для слепых, который создал и с успехом воплотил в жизнь свою универсальную систему обучения и просвещения слепых. Ко времени Великой французской революции (1789 — 1794) В. Гаюи добился весьма серьёзных результатов. Число воспитанников Института выросло до 120 человек. Учащиеся владели целым рядом профессий и ремёсел. Государство финансировало работу Института, но когда в стране раз-

разился экономический кризис, казна перестала выделять средства и в 1800 году занятия в Институте фактически прекратились. Первый консул Франции Наполеон I издал декрет, по которому Институт слепых в целях экономии был слит с богадельней. В. Гаюи остался не у дел и принял предложение российского императора Александра I открыть в Санкт-Петербурге учебно-воспитательное заведение для слепых детей.

Парижский институт для слепых детей возобновил свою деятельность в 1815 году. В Институте применялась разработанная В. Гаюи система обучения, музыкального и трудового воспитания детей. Однако, когда он решил посетить Институт, его туда не допустили, обвинив в симпатиях к Французской революции.

Луи Брайль стал в Институте «самым успевающим студентом со дня его основания» и любимцем учителей, что, впрочем, не помешало им впоследствии противиться внедрению и распространению его алфавита. Но то будет позже. А пока способный ученик выучил на слух латинский, древнегреческий, итальянский, испанский и английский языки. В четырнадцать лет был назначен руководителем институтских мастерских. Научился играть на пианино и органе и в шестнадцать получил оплачиваемое место органиста в церкви Сен-Николя де Шан, был признанным музыкантом и давал концерты. С блеском окончив Институт в 1828-м, в девятнадцать лет был зачислен в штат учителем математики, географии и музыки.

В Институте детей учили музыке, ремёслам (вязанию и ткачеству) и грамоте. Для обучения грамоте использовался рельефно-линейный шрифт унциал, разработанный Валентином Гаюи. Крупные ровные буквы выдавли-

вались на вощёной бумаге. Книги были толстыми и тяжёлыми, они требовали много места для хранения. Унциал не позволял незрячим самостоятельно писать: технология изготовления оттисков была слишком трудоёмкой и дорогой. Но главный недостаток системы заключался в том, что она «разговаривала с пальцами на языке глаз».

Во время учёбы Луи Брайля в Институте его директором был некий господин Вилье, чиновник, равнодушный к идее просвещения слепых. Его первоочередным стремлением стали попытки искоренить дух Валентина Гаюи из Института, из памяти его учеников. Он запретил учителям встречаться с В. Гаюи, угрожая им изгнанием со службы. «Исправив», а по сути искорёжив рельефно-линейный шрифт Гаюи, он назвал своё изобретение «итальянским шрифтом» и пытался внедрить его в Институте, однако присвоить ему своё имя не осмелился.

В 1821 году, спустя два года после того, как Луи Брайль поступил в Институт, в нём появился отставной артиллерист и шифровальщик-любитель Шарль Барбье. Он изучил множество способов криптографии и изобрёл, как он считал, надёжный тайный шрифт для дипломатов и шпионов. Чиновники военного министерства, куда он обращался многократно с предложениями своих способов кодирования тайной дипломатической почты, отвечали ему отказом: «Практической ценности не имеет», «Использованию не подлежит».

На одной из парижских выставок Барбье представил очередное своё изобретение, сопроводив его необычной рекламной надписью: «Моему шифровальному письму можно обучить даже слепых». Барбье придумал «письмо в темноте»: способ шифровки секретных

военных донесений, основанный на точках-проколах. Такие документы, как предполагалось, можно было написать и прочесть в полной тьме, ничем не выдавая своего присутствия.

Так случилось, что директор Парижского института для слепых, господин Вилье, посетил эту выставку. Рекламная надпись Барбье произвела на него впечатление. Он познакомился с изобретателем, и тот настолько ему понравился, что вскоре был зачислен в штат Института, а его шифровальное письмо приказом директора было включено в программу школьного обучения в качестве обязательного учебного предмета.

Для использования «ночного шрифта» нужны были три приспособления: пуансон (инструмент для перфорации), разлинованная табличка и инструкция-справочник. Метод давал возможность незрячим учащимся конспектировать и перечитывать лекции, которые раньше приходилось заучивать наизусть. Барбье подарил Институту несколько комплектов этих инструментов, и началось массовое обучение его методу.

Дружное сопротивление всех учителей не позволило господину директору одним махом заменить линейно-рельефную систему В. Гаюи на шифровальное письмо Барбье, и в Институте стали параллельно преподавать обе системы. Но и «итальянский шрифт» Вилье, и шифровальное письмо Барбье просуществовали недолго. Они не выдержали конкуренции с линейно-рельефной системой В. Гаюи.

Двенадцатилетний Луи познакомился с 12-точечным методом капитана Барбье, в основе которого были точки от прокола бумаги острым пуансоном. И ему это показалось удачной находкой, но сама система не была хоро-

шо продумана. Код из двенадцати точек (два ряда по шесть) не был удобен для осязания, он не умещался под пальцем, а самое главное — делал запись очень длинной. Так можно было передать координаты противника, но для записи большого текста требовалось очень много времени. Кроме того, метод Барбье был фонетическим, основанным на таблице из 36 звуков и звукосочетаний французского языка, что исключало саму идею правописания.

Луи Брайль, лучший ученик Института, прошедший обучение различным системам письма и чтения для слепых, избрал собственный путь и изобрёл универсальную систему рельефно-точечной письменности, наиболее доступную и удобную для осязания. Незрячий русский писатель А.П. Белоруков так говорил об идее, заложенной в системе Луи Брайля: «Она осязающий палец уравнивала в правах с видящим глазом. Подобно тому, как при чтении глаз человека сразу охватывает всю букву, так и палец теперь имел полную возможность без лишнего напряжения воспринимать точечный знак».

Что подтолкнуло Луи Брайля к изобретению? Все имеющиеся способы чтения для слепых были основаны на рельефном начертании букв; самый удачный из существующих на то время метод В. Гаюи был слишком медленным и трудоёмким: слепому ребёнку столько времени нужно было потратить, чтобы прочесть предложение, что, дойдя до конца, он нередко забывал, о чём говорилось в начале. Кроме того, печатание книг этим методом было чрезвычайно дорогостоящим — в Парижском институте, который сам занимался изданием книг по методу Гаюи, было всего четырнадцать драгоценных фолиантов с выпуклыми буквами.

В 1824 году студент Института для слепых Луи Брайль создал новый вариант тактильного шрифта — простую, логичную и надёжную систему коммуникации. Брайль сделал равномерные колонки для каждой буквы и по сравнению с системой Барбье сократил количество точек с двенадцати до шести. В первой версии шрифта использовались также тире, но позже Луи от них отказался.

В отличие от системы В. Гаюи у Брайля буквы, записанные с помощью выступающих точек, не были похожи на обычный латинский алфавит и не были понятны зрячим без обучения. В отличие от системы Барбье это была не скоропись и не сокращённая запись, а именно способ точной передачи каждой буквы алфавита.

Свою систему Брайль опубликовал под простым и понятным названием: «Способы написания слов, музыки, пения при помощи рельефных точек».

В следующее десятилетие Брайль выпустил три книги:

«Метод написания слов, музыки и простых песен с помощью точек, для использования слепыми и переложённый для них» (1829);

«Маленький синопсис арифметики для начинающих» (1838);

«Новый метод представления точками формы букв, карт, геометрических фигур, музыкальных символов и т. д. для использования слепыми» (1839).

По иронии судьбы первая из книг Брайля была напечатана с помощью рельефно-линейного шрифта В. Гаюи. В ней говорилось о необходимости создания новой системы письма для коммуникации между зрячими и незрячими. И такую систему — декапойнт, тактильный ва-

риант латинского шрифта на основе десяти точек, тоже создал Луи Брайль. Декапойнт был представлен публике в 1839 году. Буквы сохранили свою линейную форму и поэтому были разборчивы для зрячих без специальной подготовки, но линии состояли из рельефных точек, подобных тем, что используются в шрифте Брайля. Каждая буква содержала десять точек по высоте и разные точки по ширине для получения графической формы печати.

Простота алфавита Брайля сразу понравилась ученикам и тем преподавателям Института, которые сами были незрячими. Они горячо и безоговорочно в течение многих лет поддерживали создателя рельефно-точечного шрифта. А вот все зрячие учителя, составлявшие большинство преподавательского корпуса, оказались против. Ведь для того, чтобы признать удобство алфавита Брайля, тифлопедагоги должны были сами сначала выучить новый алфавит, рушился естественный для них порядок: теперь не слепые должны были учиться у зрячего, а зрячие у слепого.

В 1832 году Луи Брайль представил свой «Метод написания слов, музыки и простых песен с помощью точек, для использования слепыми и переложенный для них» на конкурс алфавитов для незрячих, организованный Шотландской академией искусств в Эдинбурге. Его работа почти не вызвала интереса. При жизни Луи Брайль не приобрёл известности, а его система оставалась для научного мира скорее забавной диковинкой. Систему Брайля не преподавали даже в Институте, где он работал многие годы.

После смерти В. Гаюи его последователи ратовали за верность его методам и были против нововведений.

Развернулись методологические баталии. Дошло до того, что директор Института, был уволен за то, что в 1837 году напечатал шрифтом Брайля учебник истории. Это была первая книга, изданная новым шрифтом: 152 страницы, 1,75 кг.

Благодаря настойчивости учеников Луи Брайля его система была официально признана во Франции в 1854 году, спустя два года после его смерти. Вскоре она распространилась во франкоязычных странах; а мировое признание получила на Парижском международном конгрессе для улучшения участи слепых и глухонемых в 1878 году, в котором участвовал и делегат от России.

К 1882 году шрифт Брайля использовался в большинстве учебных заведений для незрячих. В России первая книга, напечатанная брайлем, появилась в 1885 году; это были сто экземпляров «Сборника статей для детского чтения, изданного и посвящённого слепым детям Анною Адлер». Исключение долгое время составляли США, но и там в 1916 году шрифт Брайля был официально принят в школах для слепых.

Луи Брайль умер в марте 1852 года, не дождавшись официального признания своей системы. Он прожил недолгую жизнь, но имя его останется в веках. Пока люди будут слепнуть от войн и терактов, от болезней и несчастных случаев, они будут благодарны системе Брайля и её создателю.

Спустя почти два века шрифт Брайля не сдаёт позиций. Система получает цифровую жизнь, появляются новые вариации технологии Брайля, компьютерные терминалы, службы электронной почты, комплексная система математических и научных обозначений.

В 1952 году в мире отмечалось столетие со дня смерти Брайля. С тех пор к нему пришла настоящая слава, которая вышла за пределы узкого круга педагогов и исследователей.

В 1952 году французские власти решили перенести прах Брайля в Пантеон.

В 1956 году в Кувре открыт дом-музей Луи Брайля.

В 1992 году в его честь назван астероид.

С 2019 года Всемирный день азбуки Брайля отмечается 4 января, в день его рождения.

Памятники Луи Брайлю есть по всему миру. В его честь выпущены монеты и марки, о нём написано несколько книг. Британская энциклопедия включила Брайля в список «100 самых влиятельных изобретателей всех времён».

К 100-ЛЕТИЮ ВОС

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ ПО БРАЙЛЮ

Анна Александровна Адлер, основоположница издания книг для слепых в России, выступая на II съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в 1895 году, говорила: «Книга есть то связующее звено, которое соединяет слепого со зрячим. Научить читать слепых и составить хорошую библиотеку для их употребления есть первые задачи, к осуществлению которых надо стремиться». И её слова не разошлись с делом: сорок четыре года своей жизни она посвятила благороднейшему делу — образованию и просвещению незрячих людей.

Анна Адлер родилась в Москве в 1856 году, детство и юность провела в Казани. Её отец, полковник корпуса военных топографов, получил туда назначение, и семья последовала за ним. Серьёзная и вдумчивая, она отлично училась в гимназии и окончила её в 1874 году с серебряной медалью. Ещё в стенах гимназии зародилась её тяга к педагогической и просветительной работе, ставшей впоследствии её любимой профессией и смыслом всей её жизни.

В 1874 году Анна окончила педагогические курсы и получила звание домашней учительницы, но ей хотелось большего. Сразу по окончании курсов она с головой ушла в общественную деятельность: участвовала в благотворительных организациях в годы Русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов, помогала голодающим в Самарской и Уфимской губерниях, открыла народную библиотеку-читальню в Стерлитамакском уезде.

1880-е годы стали началом её почти 45-летней деятельности на поприще просвещения слепых. Анна Адлер была глубоко увлечена новой идеей — неотложной необходимостью изменения отношения государства и общества к инвалидам. Открытие и содержание богоугодных заведений для инвалидов за счёт пожертвований благотворителей обеспечивало лишь их физическое выживание. За редким исключением они были лишены возможности самостоятельно зарабатывать на жизнь и были обречены на жалкое существование.

О том, как живётся инвалидам, Анна знала на собственном опыте. В семь лет она заболела и на всю жизнь осталась хромой. Сложнее всего было со слепыми. Здесь требовался принципиально иной и очень непрос-той подход.

После Русско-турецкой войны жизнь поставила со всей остротой вопрос о необходимости всесторонней социальной помощи такой обездоленной части общества, как слепые. Было учреждено «Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых». Заботы о положении слепых, как и других инвалидов, взвалили на свои плечи энтузиасты-благотворители. Таким энтузиастом стала и Анна Адлер.

Человек широко образованный, владеющий несколькими иностранными языками, Анна Александровна нашла сферу применения своих педагогических знаний в открытом в 1882 году Московском учебно-воспитательном заведении для слепых детей. Она становится членом Распорядительного комитета школы и одной из её попечительниц. Под руководством основоположника русской тифлопедагогики А.И. Скребицкого Анна Александровна овладела системой Брайля и ввела изучение ре-

льефно-точечной письменности в программу обучения Московской школы для слепых детей.

Детей в школе помимо грамоты обучали плетению корзин, вязанию чулок, шитью одеял. И занимались они этим с удовольствием, тем более, что плоды их трудов неплохо раскупались.

С обучением грамоте было сложнее. В стране отсутствовали учебники и учебные пособия для слепых. За их создание и взялась Анна Александровна. Всю свою энергию она сосредоточила на разработке методики преподавания. При её непосредственном участии в школе разрабатывались методы преподавания незрячим русского языка, литературы, арифметики, истории, географии, естествознания, было положено начало созданию фонда учебных и рельефно-наглядных пособий, выписанных из-за границы. Она собственноручно написала рельефно-точечным шрифтом пособие по нотной записи, и воспитанники Московской школы стали осваивать игру на музыкальных инструментах не на слух, а по выпуклым нотам.

В 1884 году Анна Александровна отправилась за границу, чтобы обстоятельно изучить опыт работы учебных заведений для слепых детей в западных странах. Более всего её интересовали способы печатания брайлевских книг и изготовления рельефных рисунков. Она побывала в Венском Королевском, Прусском Центральном и Дрезденском институтах для слепых детей и позаимствовала много полезного из бесценного опыта работы учебных заведений Австрии и Германии.

Понимая, что без книг, доступных для незрячих, об их образовании не может быть и речи, Анна Александровна, не дожидаясь что кто-нибудь когда-нибудь займётся

решением этой проблемы, решила самостоятельно заняться печатанием брайлевских книг. Она не стала обращаться в разные благотворительные организации, а в 1884 году на собственные деньги выписала из Германии типографский станок-пресс, шрифт, наборные ящики, кассы и другие принадлежности, чтобы приступить к печатанию книг по системе Брайля.

Проблем оказалось гораздо больше, чем предполагалось. Только в 1885 году после хождений по кабинетам чиновников в течение целого года Анна Александровна наконец получила от властей разрешение на право перепечатки книг по системе Брайля в точном соответствии с оригиналом без прохождения в цензурном комитете, а также право печатать книги в своей типографии.

Всё необходимое для печатания книг оборудование Анна Александровна привезла в подмосковное имение своих родителей и приступила к подготовке издания первой в России книги, напечатанной шрифтом Брайля на русском языке. Она собственноручно набирала текст, корректировала его и работала на печатном прессе. В наборе книги ей помогали её подруга Э.И. Герман, родственницы сёстры Мышецкие и мама — Надежда Михайловна Адлер.

Печать книг трудно давалась Анне Александровне. Всё чаще обострялось заболевание суставов, мучавшее её ещё с детских лет. Однако это не останавливало её. Вот что она пишет в одном из писем: «...Я работаю каждый день с одной помощницей, которая уже очень хорошо освоилась с делом, через день приходят ещё две, которые помогают набирать или разбирать, смотря по надобности. Работаю с 10 до 4-х, а потом ещё я одна весь вечер. Мама тоже помогает корректировать. При такой

усиленной помощи удаётся отпечатать в день одну страницу в 120 экземплярах и набрать часть другой страницы, не более».

Была ещё одна проблема — одновременно и материального, и этического плана. Сколько эти книги должны стоить? Анна Александровна хотела бы раздавать их бесплатно. Но такой возможности у неё нет. Бумага и прочее требуют денег. Она пишет: «Относительно цены книг я положительно становлюсь в тупик... Относительно же оценки труда не может быть и речи, т.к. я хочу, чтобы книги были не особенно дорогие, да и, кроме того, издание может выйти небезукоризненным; да можно и в истории упомянуть, что эти книги дешевле потому, что даровой труд...» В конце концов она решает устанавливать для разных покупателей разные цены. Для своей школы, конечно, дешевле всего.

В конце 1885 года работа над книгой «Сборник статей для детского чтения, изданный и посвящённый слепым детям Анною Адлер», была завершена. В сборник вошли 5 стихотворений Некрасова, 15 небольших рассказов для чтения, рассказ «Царь-работник» Корниловича, «Механик-самоучка» о Кулибине, «Александр II — царь Освободитель», биография Луи Брайля из книги Г. Куля, переведённая А.А. Адлер с немецкого языка. В этом издании она удачно соединила элементы букваря, хрестоматии и книги для чтения. Чтобы напечатать книгу объёмом 67 страниц тиражом в 100 экземпляров, Анне Александровне потребовалось пять месяцев.

Так Анна Александровна Адлер стала первой в России, кто напечатал книгу для слепых детей рельефно-точечным шрифтом Луи Брайля. По своему качеству издание не уступало лучшим иностранным образцам. С

тех пор 1885 год принято считать годом рождения брайлевской печати в России. Труд Анны Адлер получил высокую оценку со стороны тех, кому была дорога судьба образования слепых в России. Сообщения о выходе книги Анны Адлер появились в различных газетах и журналах и даже за границей.

В 1887 году вышла вторая брайлевская книга на русском языке — «Сборник статей для слепых детей среднего возраста». Составила и напечатала её тоже Анна Адлер. Конкурентов у неё за два года, к сожалению, не появилось. В книгу вошли очерки о Ломоносове и крестьянском самородке Семёне Власове, который стал учёным и изобретателем, и рассказ о замечательном французском слепом настройщике клавишных инструментов и фортепьянном мастере К. Монтале. Юный читатель не только осваивал брайлевский шрифт, но заодно и узнавал, что при желании он может стать высококвалифицированным и хорошо оплачиваемым специалистом. Как талантливый педагог Анна Александровна прекрасно понимала, насколько важную роль может играть формирование у ребёнка позитивной мотивации в его взрослой жизни.

В 1888 году в московском Музее прикладных знаний (ныне Политехнический музей) при учебном отделе была организована специальная комиссия по образованию слепых, её председателем стала Анна Александровна. Она сумела объединить в комиссии людей, заинтересованных в создании коллекций пособий для обучения слепых. Для пополнения этих коллекций Анна Александровна использовала личные контакты с ведущими зарубежными тифлологами. В Музей поступали рельефные книги и карты, приборы для письма, модели геомет-

рических тел и животных, а также другие учебные пособия и изделия, выполненные незрячими учащимися: плетёные корзины и кресла, вязание и др. В коллекции вошли экспонаты, полученные из школ для слепых России. Анна Александровна передала в собрание музея научную и методическую литературу из своей личной библиотеки.

В 1892 году состоялся первый выпуск учащихся Московской школы для слепых детей, они вступали в самостоятельную жизнь. У брайлевской книги появились взрослые читатели. Для удовлетворения их потребностей в чтении требовались не только книги, но и библиотека. И Анна Александровна взяла на себя инициативу по созданию специальной библиотеки для слепых в Москве. Библиотека обустраивается в Румянцевском музее, в историческом Доме Пашкова.

С началом Первой мировой войны в 1914 году Анна Александровна практически полностью прекращает заниматься тифлопедагогикой и книгоиздательством и вступает в Никольскую общину сестёр милосердия Российского Красного Креста. Всё своё время и все силы она отдает помощи раненым.

Революционные потрясения, Первая мировая, а затем Гражданская война нанесли удар по ещё не окрепшему книгоиздательскому, библиотечному и музейному делу слепых. Разлаженная система школьного обучения, ликвидация зачаточных форм льготного, социального обслуживания инвалидов по зрению, наконец, упразднение всех попечительских обществ лишили незрячих всего ценного и полезного, что было достигнуто к тому времени.

Всё предстояло налаживать заново. Анна Александровна готова и к этому. В 1923 году она активно участво-

вала в работе по созданию Всероссийского общества слепых и в разработке первого Устава ВОС и в подготовке к изданию журнала «Жизнь слепых».

22 июля 1924 года Анна Александровна Адлер скончалась после тяжёлой болезни, не дожив всего несколько месяцев до открытия

I съезда Всероссийского общества слепых.

Взгляды Анны Александровны Адлер на педагогику остаются актуальными и по сей день. Она писала: «Судьба воспитанника в будущем зависит от того: 1) что он знает, 2) что он любит, 3) что он может. Поэтому цель воспитания можно определить следующими словами: воспитывать так, чтобы в зрелом возрасте он нашёл себя:

1) могущим делать доброе, 2) любящим делать добро и 3) имеющим силу совершать доброе. С такими задатками воспитанник найдёт себя способным к выполнению главного назначения человека на земле».

АСТЕНОПИЯ: ЧТО СКРЫВАЮТ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

Зрительная система современного человека претерпевает колоссальную нагрузку. Увеличивается объём зрительного труда, и взрослые часами напряжённо работают за компьютером или планшетом. Школьники также вынуждены не расставаться с компьютером, так как система образования предлагает детям получать дополнительную информацию для подготовки к занятиям на специальных образовательных платформах, пользоваться электронным дневником, общаться с классным руководителем в чатах. От длительного напряжения глаз страдают даже маленькие дети. Не секрет, что родители усаживают их за компьютер или перед телевизором, дают в руки планшет или смартфон, чтобы они были чем-то надолго заняты, дали им отдохнуть или не отвлекали от домашних дел. И взрослые, и дети с удовольствием проводят свободное время за компьютерными играми, просиживают часами в соцсетях или просто бесцельно блуждают в интернете.

Несоблюдение режима труда и отдыха, интенсивная длительная зрительная нагрузка неизбежно приводят к быстрому утомлению глаз — астенопии, которую ещё называют синдром усталых глаз или цифрового напряжения. В международной классификации болезней астенопия относится к группе субъективных зрительных расстройств. Этот синдром врачи диагностируют при многочисленных офтальмологических нарушениях — от

функциональных до органических. К сожалению, быстрая утомляемость глаз никого не настораживает, а ведь большинство серьёзных офтальмологических заболеваний начинаются с похожих симптомов. Астенопия сигнализирует как об уже существующей проблеме, так и о приближающемся расстройстве зрения. Что такое астенопия и как отличить её от заболевания глаз, расскажет Мариам Квиникадзе, врач-офтальмолог клиники микрохирургии глаза «Я ВИЖУ» (Санкт-Петербург).

<https://isee-center.ru/sotrudniki/kvinikadze-mariam-guramovna/>

ПРИЧИНЫ АСТЕНОПИИ

«Астенопия (от греч. *astenes* — слабый, *opsis* — зрение) — это термин, объединяющий различные патологические состояния (утомляемость, головная боль), которые возникают вследствие длительной зрительной нагрузки, — поясняет Мариам Квиникадзе. — Зачастую астенопия возникает при неправильно подобранном способе коррекции близорукости (очки, контактные линзы) или дальнозоркости, при длительной и интенсивной работе за компьютером, при несоблюдении оптимального расстояния от глаз до монитора или до рабочей поверхности стола, а также уменьшенном запасе аккомодации».

Для справки

Аккомодация — способность глаза изменять преломляющую силу внутриглазных оптических линз, что позволяет хорошо видеть предметы на различных расстояниях от глаза.

Уменьшенный запас аккомодации — снижение резервной части аккомодации, которая может быть потенциально израсходована глазом. Чем больше запас аккомодации, тем дольше глаз может работать без напряжения и усталости.

Астенопия встречается в детском и взрослом возрасте. Как показали исследования, около 46 % взрослых страдают синдромом усталых глаз во время работы и в конце рабочего дня. У школьников зрительное утомление наблюдается в 23 % всех случаев.

По мнению специалистов, в группе риска находятся люди с нарушениями зрения, особенно те, кому требуется правильная коррекция (близорукость, дальнозоркость, астигматизм), а также те, чья деятельность связана с продолжительной зрительной нагрузкой (работа за компьютером, вождение автомобиля, контроль за работой сложных компьютеризированных систем и прочее).

Также причиной развития астенопии могут стать:

Синдром сухого глаза, при котором истончается защитная плёнка глаза, возникает ощущение сухости.

Головная боль и мигрень, так как глаза быстро утомляются из-за нарушения кровообращения головного мозга.

Заболевания сосудистой системы, поскольку скачки артериального давления негативно влияют на сосуды всего организма, в том числе и на сосуды глаз.

Повышенное внутриглазное и внутричерепное давление.

Продолжительное пребывание в помещениях с плохим освещением и работающими обогревателями, так как чрезмерно яркий или тусклый свет раздражает глаза, а пересушенный воздух влияет на их слёзную оболочку.

Заболевания позвоночника и высокая нагрузка на шейный отдел позвоночника, в этом случае ухудшается кровообращение в позвоночных артериях, снабжающих головной мозг и глаза кислородом. Гипоксия (дефицит кислорода) вынуждает органы зрения работать более интенсивно, что вызывает быстрое утомление.

Недостаток микроэлементов и витаминов, положительно влияющих на зрительную систему человека (витамины В, В2, А, С, полиненасыщенные жирные кислоты, калий).

Возрастные дистрофические изменения в тканях глаз.

Для справки

Астигматизм — распространённое нарушение зрения, при котором меняется форма роговицы или хрусталика, и световые лучи не фокусируются на сетчатке в одной точке. Вместо этого они рассеиваются, и человек видит нечёткое, искажённое изображение предметов.

СИМПТОМЫ АСТЕНОПИИ

«Симптомы астенопии довольно разнообразны, — рассказывает врач-офтальмолог Мариам Квиникадзе. — Зачастую пациенты жалуются на зрительный дискомфорт, покраснение глаз, светобоязнь и усиление слёзотечения, на неприятные ощущения или боль в области орбиты. Кроме того, на развитие астенопии указывает быстрая утомляемость глаз при работе вблизи источника информации (компьютера, книги, гаджета), „затуманивание” зрения при внимательном рассмотрении предметов и затруднение его фокусировки (фиксации) при переводе взгляда с близлежащих предметов на предметы, расположенные вдали. При астенопии зрительно-

напряжённая работа приводит к кратковременным (в течение рабочего дня) или стойким изменениям зрения».

Признаки астенопии обычно проявляются после продолжительной зрительной нагрузки. И если на неприятные ощущения в глазах человек ещё может обратить внимание, неokuлярные симптомы (головные боли, боли в шее или спине) у него вызывают лишь раздражение, но никак не тревогу за своё здоровье. А между тем головная боль — это грозный симптом. Поэтому пациентам с регулярной болью в лобной или височной области после длительной зрительной нагрузки рекомендуется своевременно посетить офтальмолога.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЗРИТЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Значительную роль в ухудшении зрения играет распространение так называемых видеодисплейных систем (ноутбуки, персональные компьютеры, планшеты, смартфоны). Но врачи отмечают рост специфических изменений во всём организме человека при длительной работе за компьютером. В связи с этим доктора выделяют новую патологию 21 века — компьютерный синдром, который включает изменения опорно-двигательного аппарата, синдром запястного канала и компьютерный зрительный синдром.

Термин «компьютерный зрительный синдром» (КЗС) был введён в 1997 году Американской ассоциацией оптометристов.

Для справки

Синдром запястного канала — неврологическое заболевание, проявляющееся длительной болью и онемением пальцев кисти рук.

Врач-оптометрист — специалист, который занимается определением степени нарушения зрительной функции и назначением корректирующих средств — очков и контактных линз.

Компьютерный зрительный синдром подразумевает специфические нарушения зрения, возникающие у пользователей компьютеров. Сегодня офтальмологи выделяют его как самостоятельное проявление астенопии.

Психофизиологические исследования показали, что при длительной напряжённой работе за любым цифровым устройством зрительное утомление наступает приблизительно через четыре часа. Но первые его симптомы можно заметить гораздо раньше.

Приблизительно через два часа интенсивной работы за компьютером на близком расстоянии от монитора (30 — 40 см) человек испытывает общий дискомфорт. Появляются боли в шее, плечах, спине. Наблюдается так называемый визуальный стресс, сопровождающийся головной и глазной болями, размытостью изображения, сухостью в глазах (синдром сухого глаза). При дальнейшей работе за цифровыми устройствами глаза утомляются ещё больше, изображение раздваивается (диплопия), наблюдается расфокусировка зрения, появляется раздражение, головная боль может усилиться, отмечается гиперемия (приток крови к различным органам и тканям организма).

Дело в том, что изображение на мониторе подаётся в виде группы микроскопических точек, а не привычных нашему глазу сплошных линий. Синий спектр излучения монитора также негативно влияет на глаза и в целом на весь наш организм. Причина в том, что синий свет — это короткие волны с довольно высокой частотой

колебаний. В отличие от красного или зелёного волны синего цвета лишь частично достигают глазного дна, где находятся зрительные рецепторы. Всё остальное рассеивается по пути, делая картинку размытой и нечёткой. Следовательно, человек вынужден сильнее напрягать глаза, чтобы что-то разглядеть.

Высокая яркость, контрастность и мерцание монитора также вызывают напряжение, поэтому глаза очень быстро начинают уставать.

ПОЧЕМУ УСТАЮТ ГЛАЗА

Орган зрения имеет несколько мышц, которые помогают сфокусировать взгляд на нужном предмете. Экстраокулярные (внешние) мышцы позволяют глазам двигаться в разные стороны. Цилиарная мышца (внутренняя парная мышца глаза) обеспечивает аккомодацию и изменяет форму хрусталика. При оптимальной нагрузке эти мышцы работают в нормальном режиме. В случае чрезмерной зрительной нагрузки они начинают быстро уставать. Существует несколько видов астиопии, каждый из которых имеет свой индивидуальный механизм развития, зависящий от множества причин.

Аккомодационная астиопия связана с повышенным напряжением цилиарной мышцы, отвечающей за движение хрусталика. Ослабление этой мышцы возникает в результате врождённых или приобретённых аномалий рефракции (дальнозоркость, близорукость, астигматизм), которые снижают остроту зрения.

Для справки

Аккомодация (от лат. *accomodatio* — приспособление) — способность глаза к чёткому видению на любом расстоя-

нии. Она обеспечивает возможность видеть объекты, которые расположены вдали, на среднем расстоянии и вблизи.

Рефракция глаза — это преломляющая способность оптической системы глаза, которая позволяет рассматривать предметы вблизи и вдали;

Мышечная астенопия связана с нарушением работы внешних глазодвигательных мышц, обеспечивающих повороты и вращение глаза во всех плоскостях. Часто к такой патологии приводят косоглазие и миопия (близорукость).

Астеническая астенопия возникает из-за ослабления внутренних прямых мышц глаза. Она развивается на фоне общего переутомления, ослабления и истощения всего организма после интоксикаций и инфекций (конъюнктивит) или перенесённых системных заболеваний.

Симптоматическая астенопия развивается на фоне воспалительных процессов и патологии внутренних органов;

Нейрогенная (ретиальная) астенопия возникает из-за расстройства нервной системы в результате длительного стресса, неврозов и психоневрологических расстройств. Может развиваться фотофобия (светобоязнь), которая мешает человеку сконцентрироваться на зрительной работе.

Психоэмоциональная астенопия связана с нарушениями психологической адаптации человека к зрительному труду.

КАК ОТЛИЧИТЬ СИМПТОМЫ АСТЕНОПИИ ОТ ЗАБОЛЕВАНИЯ ГЛАЗ

Астенопия — лишь на первый взгляд безобидное состояние. Кажется, что стоит отдохнуть, и всё пройдет.

Глаза снова будут видеть ясно и чётко, общее самочувствие улучшится.

Мариам Квиникадзе: «На первых стадиях развития астиопии её симптомы схожи с симптомами таких заболеваний, как пресбиопия, близорукость (миопия), дальнорукость (гиперметропия), гиперфункция глазодвигательных мышц глаза (зачастую страдают нижние косые мышцы).

Иногда сложно понять, с чем связан тот или иной симптом — с утомлением глаз или прогрессирующим заболеванием. Если при снижении зрительной нагрузки, соблюдении режима труда и отдыха, выполнении зрительной гимнастики и других профилактических мер зрение улучшается, то с большей вероятностью можно предположить, что это астиопия».

Для справки

Пресбиопия — возрастная дальнорукость, физиологическая недостаточность аккомодации глаза, связанная с его естественным старением. Она приводит к постепенному ухудшению способности глаза точно фокусироваться на близлежащих предметах. Пресбиопия зачастую поражает взрослых старше 40 лет.

Схожие с астиопией симптомы могут также сигнализировать о нарушениях сосудистой системы, некоторых неврологических расстройствах, развитии катаракты, неврита зрительного нерва, глаукомы.

На фоне астиопии зачастую развиваются воспалительные заболевания (блефарит, конъюнктивит). Астиопия может спровоцировать развитие прогрессирующей миопии.

ДИАГНОСТИКА АСТЕНОПИИ

Астенопию может диагностировать только специалист-офтальмолог. Врач выясняет, кем работает пациент, какие зрительные нагрузки он испытывает, собирает историю болезни, анализирует жалобы, оценивает степень тяжести астенопии, назначает лечение.

«Для диагностики астенопии необходимо комплексное обследование зрения, то есть всестороннее исследование зрительной системы, которое обязательно должно включать авторефрактометрию на узкий зрачок и после циклоплегии (расширения зрачка)», — поясняет Мариам Квиникадзе. Эта диагностическая процедура проводится с помощью специального прибора. Она позволяет выявить и оценить особенности преломления световых лучей в оптической системе глаза. На основе данных авторефрактометрии офтальмолог может выписать очки или контактные линзы для коррекции зрения. В некоторых случаях врачу могут понадобиться консультация других специалистов и дополнительные исследования.

Для справки

Авторефрактометрия — исследование рефракции глаза при помощи компьютеризированного аппарата, целью которого является выявление нарушений зрения. Проводится эта процедура при помощи специального прибора — авторефрактометра. По результатам этого исследования врач определяет тип рефракции и степень нарушения зрения, измеряя преломляющую силу глаза в диоптриях.

Помимо этого комплексное обследование может включать определение границ полей зрения с помощью компьютерной периметрии, исследование остроты зрения

на различных дистанциях (визометрия), оценку состояния сетчатки и глазного дна (офтальмоскопия), измерение глазного давления (тонометрия) и другие.

ПРОФИЛАКТИКА И ЛЕЧЕНИЕ АСТЕНОПИИ

Современный человек уже не может обойтись без компьютера и смартфона. Но чтобы сберечь зрение и не лишать себя удовольствия работы с привычными гаджетами, нужно предпринять некоторые профилактические меры.

Вот что советует Мариам Квиникадзе: «Для профилактики астигматизма необходима правильная коррекция аномалии рефракции (миопия, гиперметропия, астигматизм), соблюдение режима труда и отдыха, хорошее освещение рабочего места и соблюдение рекомендаций по его организации. Нагрузку на глаза поможет снизить гимнастика для глаз.

Например, правило 20-20-20, разработанное Джеффри Аншелем, калифорнийским специалистом по коррекции зрения: через каждые 20 минут нужно перевести взгляд вдаль, на предмет, находящийся на расстоянии около 6 метров, и смотреть на него в течение 20 секунд. Таким образом человек делает двадцатисекундный перерыв и даёт отдых глазам каждые 20 минут. Это поможет снять зрительное напряжение и усталость, расслабить мышцы глаз.

Также полезно использовать увлажняющие капли для глаз во время работы».

В качестве профилактики астигматизма важно обратить внимание и на организацию рабочего места. Монитор компьютера нужно расположить так, чтобы сидящий за ним не смотрел в стену. За монитором должно быть

свободное пространство. При этом нужно отрегулировать высоту монитора. Его верхняя строка должна находиться на уровне взгляда. Освещение помещения должно быть комфортным. Яркий свет может создавать дополнительные блики на мониторе и вызывать напряжение глаз.

За два часа перед сном желательно воздержаться от использования любой техники с экраном, чтобы организм успел выработать достаточное количество мелатонина (гормона сна) и человек смог спокойно уснуть естественным образом без снотворных средств. В идеале лучше всего перед сном немного прогуляться на свежем воздухе.

В зависимости от стадии развития астенопии офтальмолог назначает индивидуальное лечение.

Фаза компенсации (отсутствие патологических изменений). Рекомендуется давать отдых глазам. Каждые 30 — 45 минут делать перерыв на 15 — 20 минут.

Фаза субкомпенсации. Назначается аппаратное лечение: лазерная стимуляция для стабилизации работы цилиарной мышцы, лечебные очки, тренировка глазных мышц с помощью специального инструмента синоптофора.

Фаза декомпенсации. В этом случае необходим подбор очков, линз, глазных капель.

Мариам Квиникадзе: «При лечении астенопии назначают обычно препараты, расширяющие зрачок (мидриатики). Также врачи назначают пациентам зрительную гимнастику и соблюдение зрительного режима (паузы в работе), соблюдение правил организации рабочего места, массаж шейно-воротниковой зоны, подходящую коррекцию зрения (очки, линзы, лазерная коррекция зрения), аппаратное лечение».

«СОБИРАТЕЛЬ ЗЁРЕН»

Однажды в одном фильме, название которого растворилось или рассыпалось на мелкие кусочки в моей памяти, я восхитилась персонажем, который разговаривал с тканью. Пожилой портной, выбирая отрез ткани, долго на него смотрел, щупал, подносил к уху и пытался расслышать в таинственном шуршании ткани то, каким изделием она хочет быть. Что он будет шить, решала сама ткань, она шептала ему: «Хочу быть игривой блузкой, робко прикрывающей плечи». Или: «Сшей лучше строгое платье, которому так подойдёт мой деловой темно-вишнёвый оттенок...» И портной делал так, как говорила ему ткань. «Чудак-человек», — подумала я... И всё же как он был притягателен и необычен в своём чудачестве. Моя сегодняшняя собеседница Анастасия Зырянова называет себя собирателем кофейных зёрен и по большому секрету признаётся, что с зёрнами она разговаривает. Я, конечно, разболтаю читателям все её секреты (что поделать, профессия обязывает), заодно и узнаем, чего такого интересного рассказывают зёрна коллекционеру и любителю кофе.

— *Настя, расскажи нашим читателям о своих взаимоотношениях с этим бодрящим напитком. Как твоя любовь к кофе переросла в серьёзное увлечение?*

— В детстве кофе был для меня «запретным плодом». Поясню, что я имею в виду: кофе любил и любит мой отец, причём папа — эстет, для него сварить чашку чёрного крепкого кофе — это целый ритуал. Как это

выглядело... Всё детство я прожила в добротном деревенском доме. Вот просыпаюсь я, семилетняя девчонка, рано утром, в окна светит раннее солнце, а по дому медленно ходит мой отец и в ручной кофемолке измельчает горстку зёрен. Запах стоит такой, что ты почти сразу в него влюбляешься. От запаха не спрятаться и не убежать.

Потом папа начинает варить кофе в небольшом ковшике, тогда у нас ещё не было ни турки, ни уж тем более кофеварок и кофемашин. А ты лежишь в кровати и мечтаешь сделать хотя бы глоток этого ароматного напитка. Ты не представляешь, какой он на вкус, и от этого твоё желание попробовать кофе становится ещё сильнее. Однако мама предостерегает: «Детям кофе нельзя!» И я вынуждена довольствоваться лишь ароматом. И вот так каждое утро и каждый вечер, потому как папа пил кофе строго 2 раза в день — утром и вечером. Всё детство я мечтала поскорей вырасти, чтобы можно было пить кофе и грызть печенюшки, как делал папа. И если печенье никто не запрещал, то кофе был запретным плодом. Я мучила маму вопросами: «Ну, когда, когда уже мне можно кофе?» А она только твердила: «Рано ещё».

Когда детям что-то запрещает, они всё равно найдут способ это попробовать. Это как в сказке про Синюю бороду — говорил он жене не открывать таинственную комнату, а она идёт и открывает. Вот и я так. Мне было лет 10, когда я попробовала кофе. Родителей не было дома, я второпях залила ложку молотого кофе горячей водой и думала, что этого достаточно. Какой гадостью мне показалось это месиво, которое я себе приготовила. Мне было обидно — то, что так ароматно пахло, оказа-

лось мерзким на вкус. Папа долго смеялся, когда узнал, как я обошлась с кофе. Он показал мне весь путь приготовления напитка от помола зерна до процесса варки кофе в любимом ковшике. И вот тот кофе мне понравился — терпкий, ароматный и бесконечно притягательный. Вот тогда-то я и влюбилась в напиток, который мне долго не разрешали пить.

Мой отец — это ходячая кофейная энциклопедия. Именно он учил меня разбираться в зёрнах, степени обжарки, способах приготовления и прочих кофейных премудростях. Сколько всего мы с ним перепробовали! Он учил меня понимать этот напиток, учил варить кофе разными способами, да так, чтобы не испортить. Это отец прирастил меня к культуре кофепотребления, обратив дочь в свою кофейную религию.

— *В вашей семье все кофеманы? Как появилась идея собирать зёрна?*

— Нет, кофе в нашей семье так страстно любим только мы с папой. Мама может выпить чашку-другую, но особых восторгов она не испытывает. У меня ещё есть брат-близнец Александр, он уже больше 10 лет живёт и работает в Италии. Так вот он кофе совсем не любит, а предпочитает крепкий чёрный чай. Мой муж тоже пьёт только чай. В детстве он несколько лет жил с родителями в Казахстане, и его там приучили пить чай с молоком, вот он его до сих пор так и пьёт. Моему мужу нравится кофейный аромат, а вот вкус, как он сам говорит, у кофе гораздо хуже, чем запах.

После окончания школы я поступила в медицинский колледж и училась там на фельдшера. Вот тогда-то, в студенчестве я и начала собирать зёрна. О моём серьёзном увлечении этим бодрящим и ароматным напит-

ком знали все: друзья, сокурсники, преподаватели, соседи. Вот с их подачи я и стала коллекционировать кофе. Они его мне дарили сто-о-олько, ну не выбрасывать же... Друзья всегда говорили: «Не знаешь, что подарить Насте? Покупай ей кофе и не прогадаешь». Благодаря таким подаркам я перепробовала кучу разных сортов кофе, научилась отличать плохой от хорошего, поняла, чему отдаю предпочтение, а что мне категорически не нравится.

Почему собиратель зёрен? Потому что я не коллекционирую кофе в привычном виде, это когда дома у вас стоят пачки известных кофейных брендов, и вы их всем показываете. Я собираю именно зёрна. У меня на кухне полка со специальными баночками для хранения зёрен и каждая подписана, например, «арабика, свежая обжарка, Кения» или «арабика, тёмная обжарка, Бразилия». У этих зёрен разный аромат и вкус. Я иногда беру их в руки и долго вдыхаю этот запах, пытаюсь уловить его природные первоисточки. Привычка молоть кофе перед приготовлением досталась мне от папы, я никогда не делаю это впрок, я не храню кофе в молотом виде, поскольку очень быстро меняется его вкус. Таких баночек с зёрнами у меня уже больше двадцати, я иногда с зёрнами разговариваю. Конечно, со стороны смахивает на бред сумасшедшего, но это не так. Зато у моих гостей всегда есть выбор: если кто-то предпочитает кофе с кислинкой, в ход идут зёрна из баночки с надписью «Колумбия», а если кто предпочтёт крепкий и терпкий напиток, тогда я открываю баночку с зёрнами из Бразилии.

— *Настя, расскажи нашим читателям, почему ты называешь себя занудным ретроградом?*

— Нет-нет, это не я так себя называю, это мой муж нарёк меня таким обидным прозвищем. Сама я для себя выбираю нейтральное определение — консерватор. Сегодня в специализированных кофейнях какой только кофе вам не предложат: с миндальным или кокосовым молоком, с кучей топпингов и сиропов, с перцем и имбирём, с кардамоном и корицей, со всевозможными видами ликёров и алкогольных добавок и прочее, прочее, прочее... У всего этого красивые необычные названия и грамотно сделанная реклама. Всё это необычно и вкусно, но... не для меня. Я — любитель кофе в чистом виде, без добавок. А все эти добавки заливают истинный кофе, и вы чувствуете какой угодно вкус, только не кофейный. Когда подружки зовут меня посидеть в кофейне в надежде на то, что я оценю все эти околокофейные прикормы, я обычно заказываю чёрный кофе, иногда допускаю для себя добавление сливок. Вот потому-то супруг и обзывает меня ретроградом, потому что я не пробую новое, не расширяю свои кофейные вкусы. А я их расширяю, потребляя кофе в чистом виде. Я рада, что по вкусу могу отличить Кению от Бразилии, арабику от робусты, свежую обжарку от тёмной, и мне не нужно заливать плохой кофе молоком или сиропом, чтобы сказать, что он хороший.

Мой муж много раз предлагал мне купить кофемашину. А я искренне не понимаю, зачем. Я люблю готовить кофе в турке, у меня дома их шесть штук разных размеров и из разных материалов. Моя любимица — маленькая медная, подаренная мне папой. Мы с мужем живём вдвоём, он кофе не пьёт. Ну и спрашивается, зачем мне одной бездушная и занимающая на кухне место кофемашина? Я люблю ходить по комнате и в ручной кофемолке молоть зёрна, они мне то ли шепчут, то ли поют

о чём-то. Я как шарманщик на старой площади или человек, который заводит патефон... Мне приятно варить кофе, отслеживая и регулируя все стадии процесса. Это только кажется, что всё просто — залил водой и вари. Всё куда сложнее, и мне нравится этим заниматься. Я в своём быту, конечно, держу кофеварку, но это исключительно для больших компаний.

Лет шесть назад я гостила у брата в Риме, и он повёл меня пить кофе в известную сетевую кофейню, не буду её называть, чтобы не рекламировать, там подают кофе в закрытых стаканах, и пьёшь ты его через маленькую дырочку. Ужасный кофе, ужасная идея этого стакана, где ты обжигаешь язык и не получаешь никакого удовольствия. Но для массового потребления вроде как нормально. К тому же я люблю видеть кофе, который пью. Когда я открыла этот стакан, то увидела напиток, похожий на жжёный сахар — вот вам и приличный кофе...

— *Анастасия, ты рассказала, что после значительной потери зрения изменилось восприятие кофейных ароматов. Как ты теперь воспринимаешь запахи?*

— Зрение я стала терять в 22 года. Не очень я люблю об этом говорить, ибо мало приятного — полжизни я видела, а тут вдруг у тебя остается лишь 20 процентов. Доктора мне сказали, что это мне ещё повезло, удалось остановить заболевание, и я не ослепла окончательно. Оказалось, что болезнь наследственная, хорошо, что моего брата-близнеца эта напасть не коснулась. После потери зрения пришлось оставить работу медсестры, потому что стало сложно и даже опасно для пациентов.

Как и любой человек, я сначала очень переживала из-за свалившихся на меня трудностей, потом начала учиться с этим жить и приняла это как данность. Вот в тот

момент я и заметила, что изменилось восприятие запахов. Раньше, до потери зрения, все кофейные ароматы для меня были одинаковы, а теперь я чувствую их тонкости, улавливаю нотки ванили, шоколада, ореха и прочего. Не знаю, что произошло — специально я обоняние не тренировала — возможно, с потерей зрения оно стало острее. Когда я заболела ковидом, у меня пропало обоняние. Я так забеспокоилась, боялась, что оно не вернётся. Я каждый день подносила к носу свои баночки с зёрнами и ничего не чувствовала. Муж меня утешал: «Всё вернётся, надо только подождать». Так и случилось: когда я выздоровела, обоняние сразу вернулось, и я уловила в воздухе аромат своих любимых зёрен. Что сказать, прыгала от радости как ребёнок!

— *Поделись забавными случаями из жизни собирателя зёрен.*

— Ироничных и казусных случаев было много, всё не упомнишь. Помню, как друзья вместо кофе пытались мне подсунуть отвар цикория, смешанный с чем-то, но я быстро разгадала их план. Зато с помощью этой подмены я выяснила, что у меня аллергия на цикорий. А ещё был такой случай: моя подруга пригласила меня в члены жюри, нужно было оценивать, кто лучше приготовит кофе. У них в офисе проводилась эта забава к какому-то празднику. Я чересчур серьёзно отнеслась к этой шуточной идее. Участникам выдали молотый кофе и турки, и они начали его готовить. Не ясно, какие зёрна выдали участникам. По вкусу это была арабика не самого хорошего качества. В итоге кофе у всех получился одинаково невкусный, а лучший выбрать надо, чтобы людей не обидеть. Ну, ткнула пальцем в первую попавшуюся чашку, так и выбрали победителя.

А ещё как-то ко мне заглянула моя подруга с пятилетней дочкой и говорит: «Ане нужно развивать мелкую моторику, смешай ей гречку с рисом, пусть сидит и отделяет одно от другого, пока мы с тобой болтаем». Я не стала мучить ребёнка и высыпала ей зёрнышки из своей баночки. И пока мы болтали с подругой, её дочь сложила из зёрен неповторимо красивый узор — я даже не думала, что такое можно из зёрен вытворить.

— Анастасия, поделись с читателями забавной историей знакомства с твоим супругом. И как оказалось, что кофе здесь ни при чём?

— Да, кофе в нашей встрече не виноват. (Улыбается.) Всё произошло случайно, наверное, так звёзды сошлись. Мы в аэропорту перепутали сумки. Я летела домой из Италии и при получении багажа схватила не свою сумку. Меня подвели самоуверенность и плохое зрение, к тому же нынче сумки все замотаны плёнкой и выглядят одинаково. У моей были яркие зелёные ручки, я увидела эти ручки, подумала — моя, схватила и уехала. И ведь никто у меня даже багажную бирку не проверил. Дома я сняла плёнку и увидела, что сумка не моя. Открыла, а там мужская одежда и спортивные кубки за заслуги в области дзюдо. Вот счастье привалило! Что теперь со всем этим добром делать?

Муж рассказал, что у него-то как раз багажную бирку проверили и сообщили, что это не его сумка. Он проторчал в аэропорту очень долго, пока там выясняли, чья сумка, адрес владельца и прочее. Не знаю, как он договорился с сотрудниками, но в итоге он привёз мне мой багаж и забрал свою сумку. Наверное, при первой встрече я показалась ему безалаберной взбалмошной девушкой, но мы начали общаться, посмеявшись над этой

ситуацией. Мой супруг умеет всё в жизни воспринимать с лёгкостью, не устраивая скандалов, а воспринимая происходящее как житейскую коллизию. Наша история знакомства почти киношная, поскольку после такой встречи через полгода он меня ещё и замуж позвал. И теперь каждая маленькая девочка, надевая мамины бусы, может смело мечтать о принце, зная, что с людьми такие встречи случаются.

— *Настя, расскажи про идею кофейных сказок. Как она пришла тебе в голову?*

— О, нет! Этих секретов я вам пока не раскрою, потому что всё это ещё только далеко идущие планы. Могу лишь поделиться общей информацией. Планирую сочинить кофейные сказки, которые будут и не детские, и не взрослые — для аудитории от 8 до 80 лет. Сейчас продумываю сюжет и слог, хотя в слоге я мало что понимаю, но хочется, чтобы мне за эти сказки не было стыдно. Как появилась идея? Задумала я эти сказки ещё в детстве, но детского опыта их писать не хватило, поэтому перенесла эту цель во взрослую жизнь. Помню точный момент, когда захотелось кофейных сказок. Мы тогда ещё жили в деревне, на дворе стояла суровая зима. Я сидела на крыльце, а папа вышел с чашкой кофе на улицу подышать. Он сел рядом со мной, а я, заморожено глядя, как в горячий кофе падает мелкий снег, подумала, какой волшебный момент, почти сказочный... «Я обязательно придумаю сказку, — отозвалось в моей голове. — Обязательно придумаю».

А теперь обратимся к традиционному блиц-опросу, который я иногда предлагаю своим собеседникам. В вопросах нет ничего страшного и сложного, о них не

обожжётся, как о чашку горячего кофе, они чуть каверзные, чуть ироничные и чуточку философские. Я с удовольствием задам их своей собеседнице, и посмотрим, как она выкрутится.

— *Какое количество кофейных зёрен ты употребила за свою жизнь? Единицей измерения может быть что угодно (чашка, пачка, килограмм, штука и прочее).*

— Ох и сложный это вопрос — подсчитывать количество зёрен. Я никогда даже в шутку об этом не задумывалась. Отвечу так — скорее всего это количество стремительно приближается к центнеру.

— *Назови топ-3 сладостей или выпечки, с которыми кофе наиболее вкусен.*

— В этом вопросе я себе не изменяю:

1. Кофе вкусен сам по себе.

2. Кофе и яблочный штрудель отлично дружат, особенно холодными зимними вечерами.

3. Чёрный кофе и кусочек белого пористого шоколада — эти двое создают мечтательное настроение. Попробуйте.

— *Чёрный или зелёный чай для кофе друг, враг или конкурент?*

— Думаю, чай — это друг и партнёр, во всяком случае у меня это так. Нельзя пить только кофе — это не полезно, да и надоест. А чай в этом плане порой очень выручает.

— *Что собиратели зёрен и ты в том числе делаете с кофейной гущей?*

— Я не настолько кофейный маньяк, чтобы ещё и кофейную гущу складировать. (Улыбается.) Выбрасываю её, иногда оставляю как природный скраб для тела.

— *Чего ты не делаешь как кофеман?*

— Не употребляю кофе с кучей разных наполнителей — сиропы, топпинги, сливки, орехи и прочее, потому что тогда сам вкус кофе теряется. Не ношу длиннющий маникюр — он мешает моему тактильному общению с зёрнами. Почти не пользуюсь парфюмом: смешение запаха духов и кофе — не очень приятная штука...

— *На что тебя может сподвигнуть кофе?*

— Так уже... В будущем я хочу написать кофейные сказки, уже и идеи в голове имеются. Надеюсь, когда-нибудь я это сделаю.

Вот так плавно и неторопливо подошла к концу моя беседа с собирателем кофейных зёрен. На столе в полупустом кафе, где мы устроились для беседы, остались почти нетронутые две чашки остывшего кофе. Кофе оказался невкусным и очень кислым, но сожалений по этому поводу мы не испытали. Моя собеседница не отличается чопорностью и снобизмом, а плохой кофе мы компенсировали интересным разговором. Когда мои собеседники уходят, мне как интервьюеру бывает грустно от того, что приятный разговор закончился. Но только не в случае с Анастасией Зыряновой. Я уверена, что мы с ней ещё встретимся — она обещала мне и нашим читателям кофейные сказки. Ждём с нетерпением.

ПРОБА ПЕРА

Матвей Медянцев

ученик 7 класса Челябинской школы № 127

КОРЯГА

Стая кошек, громко мяукая, мчалась по пустырю. Они кричали друг другу:

- Собрание!
- Все на собрание!
- Торопитесь!

В ближайшую минуту все уже собрались, притихнув, рядом с изогнутой корягой, возле которой стоял рыжий кот Бобёр. Он был предводителем всех бездомных кошек, проживающих в ближайших дворах, и помогал им, решая все общие проблемы на собраниях. Он имел весьма большую власть. В метре от него сидел черношёрстный Барсик, его главный помощник и заместитель.

— Здравствуйте! Здравствуйте вновь! — громко произнёс Бобёр. Это была его излюбленная фраза, с которой он начинал каждое собрание. — Рад вас всех видеть! Однако того, что вы поделитесь со мной своими проблемами, это не отменяет. Не будем долго тянуть и начнём сразу!

Из толпы с интересом на главаря смотрел Пушок, чья шубка была чёрного цвета. Он воспринимал Бобра не

как простого кота, а как особое создание, почти божество. Коряга, возле которой он стоял, была для него символом власти.

— Ну, — сказал Бобёр, — дамы и господа, что ж вы молчите? Можете высказывать свои проблемы!

Какая-то кошка промяукала:

— Собаки! Бездомные псы! Они напали на меня сегодня утром!

И тут все начали выкрикивать:

— Они злодеи!

— Эти бандиты и на меня напали!

— Я уже дважды за эту неделю от них убегал!

— Тихо! — выпалил Бобёр, и все смолкли. — Тихо! Я знаю. Эта банда собак... Барсутка, как зовут её предводителя?

— Ральф, — ответил Барсик.

— Я знаю банду Ральфа, — сказал кошачий главарь. — Увы, но это тот случай, когда ваш покорный слуга с этим ничего поделать не сможет... Не надо кричать! Дальняя часть пустыря очень опасна. Там собаки проводят всё своё время. Прошу вас, просто не ходите туда, и всё!

Кошки грустно вздохнули, а Бобёр продолжил речь:

— И ещё! Угадайте, кто будет моим преемником! Кто это, как думаете? Это Барсик, мой заместитель! Сейчас он что-нибудь нам скажет по этому поводу!

Барсик встрепнулся и ответил:

— Я же им не сейчас стану. Если когда-нибудь по каким-либо причинам наш предводитель уйдёт, то его место займу я. Вот и всё.

Через два дня после собрания Пушок гулял по улице и увидел Бобра и Барсика, которых гладил пожилой мужчина. Возле него стояла девочка, на вид лет десяти-

одиннадцати. Дедушка взял кошачьего главаря на руки, а его заместителя дал девочке и сказал:

— Варя, держи его. Давай отнесём их в приют, там им найдут хозяев!

Старик с девочкой Варей скрылись за углом. Пушок с изумлением развернулся назад, пошёл к пустырю, и на него случайно наскочил оранжево-белый кот:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил Пушок.

— Вы случайно не видели Бобра? Мне он нужен.

— Понимаете... Только что я видел пожилого мужчину с девочкой... Они взяли Бобра на руки и унесли... Исходя из их разговора, они собрались сдать его в приют для бездомных животных.

— То есть его больше нет? Идёмте, Барсик. Нам нужно срочно созвать собрание.

— А... вы кто? — в недоумении спросил Пушок.

— Вы меня не помните? Я друг Бобра, Маркиз. Я искал его, чтобы с ним поговорить, и встретил вас... Так что насчёт собрания?

— Подождите... Собрание?

— Вам же нужно объявить о пропаже Бобра и о том, что теперь вы стали предводителем!

Тут Пушка осенило. Он внешне выглядел точно так же, как Барсик, из-за чего Маркиз перепутал его с ним. Если он притворится Барсиком, который уже никогда, наверное, не вернётся, то в его лапах будет власть... Он сможет править... Сможет вершить судьбами других котов...

— Ну что же, собирайте собрание! За мной!

Спустя несколько минут собрались все, и новоиспечённый правитель громко произнёс:

— Бобёр больше к нам не вернётся! На моих глазах, — продолжал он, — дедушка с внучкой взяли Бобра на руки и унесли его в приют для бездомных питомцев. Нашего лидера больше нет! По договору, его место должен занять я, его заместитель. Я буду решать ваши проблемы и помогать вам! У меня тоже будет свой заместитель, но я пока не знаю, кто им будет... Собрание закончено! Спасибо за внимание. Удачного всем дня, чтобы не было проблем... А если они будут, то я разберусь с ними, обещаю вам!

Пушок произвёл на всех мощное впечатление. Весь этот день он гулял один, наедине сам с собой, а на следующее утро встретил Маркиза. Тот начал разговаривать с ним:

— Доброе утро, Барсик! Вы желаете со мной говорить? Я, если что, ни на чём не настаиваю!

— Я не против, — ответил Пушок.

Маркиз спрашивал его о том, что он думает о банде собак Ральфа, и между тем упомянул:

— Работать заместителем у правителя — работа важная. Очень важная! Я бы хотел-с занимать эту должность. Мне кажется, у меня получилось бы!

На следующий день Пушок созвал вече, на котором выслушивал проблемы бездомных кошек. Одному коту, чей знакомый воровал у него пойманных им мышей, он пообещал разобраться с вором и тут же осведомился о личности негодяя, после чего прямо при всех с крайне серьёзным видом на него накричал.

Такие собрания стали проводиться раз в пять дней. Пушок выслушивал проблемы, после чего разбирался с ними. Он был упоён своей властью и авторитетом, и пока им вроде были все довольны. На частые жалобы на бездомных собак Пушок отвечал примерно одинаково:

— Извиняюсь, но мне что, развязать с ними войну? Просто не связывайтесь с ними!

Также он думал, кто бы мог быть его заместителем. К нему почти каждый день наведывался Маркиз и намекал, что он хочет быть его помощником. Пушок помимо Маркиза ни с кем не общался. У него не было друзей, и он боялся, что кто-то сможет понять, что он — не Барсик. Когда с ним пытались познакомиться, он всех отвергал. И спустя какое-то время добился одиночества и понизил шансы раскрыть свою настоящую личность до минимума.

Но тут многие начали тянуться к нему с просьбой назначить себя заместителем. А Маркиз как-то подбегал к нему после собрания и заявил:

— Чем же я не подхожу на должность вашего помощника?

Пушок присмотрелся к тем, кто хотел быть его заместителем, и заметил умную серо-белую кошку Лариску, которая ему нравилась. Однажды он предложил ей быть его помощницей.

— Что вы... — с ошеломлением говорила она. — Я сделаю всё, что вы скажите!

На следующем собрании лже-Барсик объявил о своём решении, после чего Маркиз перестал с ним общаться. Лариса совещалась с предводителем на собрании по поводу проблем, которые надо решить, а в свободное время ходила к тем, кто обращался за помощью на собрании, и узнавала, как у них дела. Пушок уважал её и время от времени с ней разговаривал.

Однажды Пушок пошёл погулять и встретил Лариску. Они шли и разговаривали, как вдруг за спиной послышалось:

— О! Кошки!

Возле них было несколько собак. Одна из них, рыжая, большого размера, особо не понравилась Пушку, осознавшему, что этот пёс и есть Ральф, который доставлял окрестным котам столько проблем.

— Что вы здесь делаете?! — спросил он. — Это наша территория! Уходите отсюда!

Пушок и Лариска бросились бежать куда глаза глядят, а собаки помчались за ними. Кошки забежали за угол, остановились отдышаться и услышали сзади:

— А тут вы что забыли?! — Это сказал Ральф. — Гуляйте где угодно, но не на моей личной территории!

Пушок и Лариска кинулись прочь и заскочили в кусты. Но тут на улице раздался громкий скрежет тормозов. Лариска выглянула из кустов и сказала:

— Ральфа только что сбила машина. Он мёртв.

О гибели Ральфа сообщили на следующем собрании. После смерти своего предводителя его банда распалась и кошек никто не беспокоил. На следующем вече кошки сказали, что проблем нет и разбираться не с чем, и предводитель им больше не нужен

Пушок спросил:

— Вы утверждаете, что предводитель вам не нужен?

— Да!!! — хором ответили кошки.

— Что ж... — с горечью произнёс Пушок. — Тогда я ухожу со своей должности. Собрание закончено!

Теперь он гулял сам по себе. Однажды он прогуливался возле многоквартирного дома, к нему подошла бабушка, положила на землю открытый мешочек с кормом и позвала его. Он подошёл и начал уплетать за обе щеки. Пережёвывая корм, Пушок отвернулся, а старушка подумала, что он поел, взяла мешочек и понесла с собой.

Пушок побежал за ней, надеясь, что старушка даст ему ещё еды.

Прошёл год. Пушок стал жить у бабушки, располнел и уже не выходил гулять на улицу. Он любил сидеть на подоконнике и смотреть в окно, наблюдая за происходящем во дворе. Иногда он видел там бездомных кошек, а пару раз видел Лариску и Маркиза, прогуливающихся возле коряги. Править ему уже не хотелось.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Эвольт Вунш

ПЕРВЫЙ СНЕГ

О чём шептал мне первый снег,
Ложась на поле?
«Скажи, за что мне, человек, такая доля?
Я плавал в чистой вышине, подобно птицам.
И вот теперь придётся мне на грязь ложиться».
Я взял холодный белый пух рукою тёплой.
Вдохнул арбуза слабый дух — ладонь намокла.
Напрасно плачешь ты судьбе, посланец неба.
Да будет памятью тебе краюха хлеба.
Накрой озябшие поля, как одеялом.
Пусть спит кормилица-земля, она устала.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Тучи с утра — без просвета и края.
Полдень ненастный на вечер похож.
Мягко по листьям опавшим ступает
Мокрыми лапками вкрадчивый дождь.

Северный ветер, пощады не зная,
Треплет деревья, ерошит кусты,

Бесцеремонно у них обрывая
Жалкий остаток былой красоты.

Тянет пролётная стая устало
Нить, по которой вернётся весной.
Хмурая осень в платке полинялом
Птиц гонит к югу озябшей рукой.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

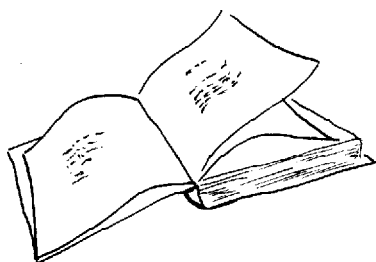
Мороз узоры пишет по стеклу карандашом.
Под родительскою крышей спится чудо хорошо.
В тишине жилец запечный,
вечный труженик — сверчок
Терпеливо, бесконечно пилит высохший сучок.

Лунный лучик от окошка дотянулся до печи
И озябшую ладошку положил на кирпичи.
Спит село, под изголовье снега взбив пуховики,
Позакутались по брови избы в тёплые платки.

Чуть заметно дышит паром из ноздрей белёных труб,
Баньки, скирды и амбары как-то ниже стали вдруг.
Словно все они присели, согреваясь у земли,
И певучие метели их по пояс замели.

Полог ночи тёмно-синий выстудил мороз,
И дрожит колючий иней на ресницах зябких звёзд.
Всё сверкает, всё искрится под начищенной луной.
Пусть весна тебе приснится,
край уральский, край родной!

КАК СТИХИ СТАНОВЯТСЯ ПЕСНЕЙ*

В начале 1810-х годов в Москву был завезён цыганский хор под управлением Ивана Соколова. Как любая экзотическая диковинка, хор этот привлёк к себе большое внимание и пользовался огромной популярностью. Грустные цыганские песни и искромётные пляски явились тем, чего так не хватало пресыщенному московскому и чопорному петербургскому обществу. На цыган ездили смотреть специально, а за пение щедро платили.

Именно в этот момент в русской литературе появляется цыганская тема. До того её попросту не существовало. В дальнейшем цыганская тема превратилась в тему исконно русскую, а многие цыганские песни и романсы стали русскими народными песнями и романсами. Можно сказать, что «Цыганочка» как жанр, интонация, музыкальный ритм стала символом песенной России, наряду с «Калинкой» или «Подмосковными вечерами».

Цыганская тема в русской поэзии существовала как тема самоосвобождения от общества, от его тягот и забот, от раздумий о завтрашнем дне — словом, как свобода чувствовать, петь, творить, веселиться и не верить в ад.

Целый ряд русских поэтов остаётся в нашей памяти прежде всего как авторы ставших народными песен, изначально, правда, написанных как стилизации на цыганскую тему. Это Е. Гребёнка («Очи чёрные»), А. Григорьев

**Окончание. Начало читайте в № 12 за 2024 год.*

(«О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка») и Я. Полонский («Песня цыганки»).

Евгений Павлович Гребёнка (1812 — 1848) писатель редкого в русской литературе двуязычия: украинский лирик и баснописец, одновременно русский прозаик и поэт, автор стихов, ставших знаменитой на весь мир русской народной песней «Очи чёрные...». Учился Евгений Гребёнка в Нежинской гимназии высших наук, на четыре класса младше Н. Гоголя. И дальше как прозаик следовал за своим великим однокашником в передаче украинского национального колорита, в выборе сюжетов и обрисовке характеров. Он часто публиковался в литературных петербургских журналах. Лето 1843 года он провёл в отцовском имении и часто бывал у соседа помещика Ростенберга. Его внучке, Марии Васильевне, ставшей впоследствии его женой, он и посвятил стихотворение «Чёрные очи».

ОЧИ ЧЁРНЫЕ

Очи чёрные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, не даром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нём сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:

Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

За сто с лишним лет бытования в народе от этого стихотворения остался лишь первый куплет, который к тому же стал припевом.

Точно такая же история произошла со знаменитой «Цыганочкой» Аполлона Григорьева. Это произведение создало ему всемирную славу, но в песню вошла только часть большого, в 154 строки, трагического по своему эмоциональному накалу стихотворения.

ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА

(Фрагменты)

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать —
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплут дробью звуки...

Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Верёвочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам,
Буйный и мятежный.
Перебор... и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Что же ноешь ты, моё
Ретиво сердечко?
Я увидел у неё
На руке колечко!..
Басан, басан, басана,
Басаната, басаната!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!
Эх-ма, ты завей
Верёвочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова...
Для чего немой укор?

Вымолви хоть слово!
Я у ног твоих — смотри —
С смертною тоскою,
Говори же, говори,
Сжался надо мною!
Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынести муки ада?
Что тебя сгубил бы я
И себя с тобою...
Лишь бы ты была моя,
Навсегда со мною.
Лишь не знать бы только нам
Никогда, ни здесь, ни там
Расставанья муки...

Так было написано Аполлоном Григорьевым и им же спето, кстати, тоже под гитару. Цыганская песня для А. Григорьева — народная стихия, в которой человек может раскрыть свой внутренний мир, свои чувства. И песня служит мостом от человека к человеку, освобождая его от условностей, нагромождённых между людьми обществом.

В этом, может быть, вообще заключалась глубинная специфика «цыганщины» в русской культуре и литературе послепушкинского времени: в мире, где жизнь человека от рождения до смерти строго регламентирована, цыганский хор на какой-то романтический миг создавал иллюзию возможности другого, яркого и свободного существования.

Классическими в репертуаре стихотворений на цыганские темы признаны два произведения Аполлона Григорьева: «О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка». А. Блок их называл «единственными в своём роде перлами русской лирики». Оба стихотворения были опубликованы в 1857 году. Их появление связано с неразделённой любовью поэта к Леониде Визард. Эти стихотворения необычайно психологичны и отражают состояние смятения души поэта, состояние «ада и рая». Его спасала любовь к пению, увлечение цыганами, их песнями и плясками. Поэт с друзьями посещал богемный трактир с экзотическим названием «Волчья долина» и там, освоив гитару — «подругу семиструнную», пел вместе с цыганами народные песни. Под впечатлением всего происходящего и были написаны «Цыганская венгерка» и «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная!..» В создании мелодии к «Цыганской венгерке» участвовал сам поэт вместе с руководителем цыганского хора Иваном Васильевым.

Цыганское пение и цыганская тема в искусстве и в поэзии развивались в России на протяжении всего XIX века, влияя на стиль русских романсов, их исполнение и тематику. Постепенно сложился жанр цыганского романса и цыганской песни. Это направление развития романса в России шло параллельно с основным, не подменяя его.

Во второй половине XIX века и в русской поэзии, и в русской вокальной лирике происходят существенные изменения — и в идейном содержании, и в жанровой системе, и в стиливых особенностях. В литературу пришло поколение поэтов, отказавшихся от внешней, формальной подражательности фольклору и создававших

произведения, национальная самобытность и связь с народной поэзией которых приобрела более сложный, реалистический характер.

Николай Некрасов, Иван Никитин и Иван Суриков уже не следуют формальной традиции «русской песни», их интересует сама жизнь народа, подлинные народные характеры. Не случайно, что песнями в точном смысле этого слова теперь чаще становятся не те стихи, которые в какой-то мере всё же ориентируются на традиции «русской песни», а те, которым сами поэты не прочили «песенного» будущего. Из стихотворений Некрасова популярность в быту приобрела его агитационно-гражданская лирика, сюжетные стихотворения, отрывки из поэм, а не собственно «песни».

Широко известная песня «Меж высоких хлебов затерялося...» — это изменённое и сильно сокращённое стихотворение Н. Некрасова «Похороны». До сих пор исполняется неизменённый авторский текст, 5 — 6 куплетов, в стихотворении их 18. Устоявшаяся мелодия песни — по-видимому, народная. Другая известная некрасовская песня — «Ой, полна, полна коробушка...» — народное переложение начала поэмы «Коробейники». Некоторые варианты народной песни почти не отличаются от авторского текста.

Поэма сознательно была написана, чтобы её читал простой народ. Некрасов рассылал её по стране в виде маленькой красной книжечки с указанной на обороте ценой — 3 копейки за штуку (1 копейка шла оптовому книготорговцу, 2 копейки — офеням), и это было очень дёшево. В 1863 году печатание «красных книжек» Некрасова было запрещено цензурой.

То же самое произошло и с произведениями Никитина — в устный репертуар прочно вошли главным образом не его «песни» (из них только «Песня бобыля» действительно стала песней), а такие стихотворения, как «Вырыта заступом яма глубокая...», «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», «Медленно движется время...».

Иван Саввич Никитин (1824 — 1861) родился в Воронеже в семье купца. Учился в семинарии, которую не окончил, так как вынужден был вместе с разорившимся отцом содержать постоялый двор. Стихи начал писать рано, однако не решался их печатать. Первая публикация — стихотворение «Русь» в 1853 году в губернской газете сразу же принесла ему широкую известность, и с тех пор он постоянно печатался в столичных изданиях. Незадолго до смерти он открыл книжный магазин и при нём библиотеку.

Очень многие стихи Никитина стали народными песнями. Его стихотворение «Медленно движется время» стало одной из самых популярных русских студенческих песен середины XIX века.

Медленно движется время —
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
Мёртвые в мире почили,
Дело настало живым.

Сеялось семя веками —
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами —
Зло вырывать нелегко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднились с ним...
Мёртвые в мире почили,
Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
Мёртвые в мире почили,
Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчёт отдадим...
Мёртвые в мире почили,
Дело настало живым.

Не составляет исключения и написанная Суриковым в традиционном стиле «Песня» («В зелёном саду соловушка...»): она оказалась гораздо менее популярной, нежели стихотворения «В степи», «Сиротой я росла...», «Рябина» («Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», без

этой песни не обходится, наверное, ни одно застолье), «Казнь Стеньки Разина». В этих стихотворениях связь с фольклором несомненна, но это уже не подражание, а скорее свободная интерпретация народного поэтического сюжета или образа. Показательно в этом отношении стихотворение «В степи», навеянное известной протяжной народной песней о степи моздокской. Любопытно, что это стихотворение, превратившись в песню, вытеснило из народного репертуара традиционную песню. Правда, народ при этом отказался от сюжетного обрамления песни, введённого поэтом.

Кони мчат-несут.
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берёт;
Про моздокскую
Степь ямщик поёт...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит,
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Воронных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей ещё
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне её кидать!

Передай словцо
Ей прощальное

И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
Да в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

Иван Захарович Суриков (1841 — 1880) родился в Ярославской губернии, в семье оброчного крестьянина, работавшего приказчиком в Москве. В начале 1860-х годов он познакомился с поэтом А. Плещеевым, который помог ему опубликовать первое стихотворение, после чего произведения поэта стали систематически печататься на страницах столичных газет и журналов. Вскоре вокруг него сложился кружок поэтов-самоучек, произведения которых Суриков собрал и включил в сбор-

ник «Рассвет» (1872). «Суриковский литературно-музыкальный кружок» просуществовал до 1933 года.

Многие казацкие народные песни тоже имеют литературный источник. Интересна история бытования песни «Чёрный ворон». Эта одна из популярнейших песен, считающаяся русской народной, рассказывает о встрече воина с чёрным вороном в последние минуты своей жизни. Как известно, ворон считается «вещей» птицей, сопутствующей смерти на поле битвы. В общем, грустная, меланхоличная песня, но в то же время очень красивая.

Однако песня «Чёрный ворон» имеет свих авторов, известен хотя бы один из них — автор слов. В начале XIX века молодой унтер-офицер Невского пехотного полка Николай Фёдорович Верёвкин написал несколько песен. Они были изданы всего один раз в «Библиотеке для чтения» в 1837 году. Но этого было достаточно. Их полюбили и запели, забывая при этом имя автора и переиначивая текст по своему вкусу и пониманию.

Так случилось со строкой из написанной Н. Верёвкиным в 1831 году «Песни после учения»: «С командиром-хвatom / Любо, братцы, жить», которая трансформировалась в «С нашим атаманом / Любо, братцы, жить» в одной из самых известных казачьих песен. Такая же судьба постигла другое произведение Н. Верёвкина — «Под зелёною ракитой»: самостоятельная песня «Чёрный ворон» является творчески переработанным народным вариантом авторского стихотворения, начиная с третьего куплета.

Песня ушла в народ и так им полюбилась, особенно казаками, что ни у кого не возникало сомнений в её народном происхождении. В своей книге «Картины былого

Тихого Дона», изданной в 1909 году, русский генерал и атаман Всевеликого войска Донского П. Краснов писал:

«Во время тяжёлой борьбы с кавказскими горцами много было совершено подвигов донскими казаками. Очень часто им приходилось в одиночку обороняться от многочисленного и злобного неприятеля. Много казаков полегло в горах и долинах Кавказа, и над их никому не известными могилами нет ни креста, ни памятника. Погибшие в одиночку, без свидетелей, донцы умирали в горах, окружённые воронами да хищными орлами. Там зародилась и эта печальная песня казачья».

Вряд ли песня «Чёрный ворон» зародилась в Кавказских войнах — она лишь видоизменилась, оставив при этом смысл исходного варианта.

Примечательны случаи использования песни «Чёрный ворон» в кино. В 1934 году русский советский композитор Г. Попов написал свою аранжировку «Чёрного ворона», вошедшую в культовый фильм «Чапаев», чем упрочил славу и красного комдива, и песни. Также песня звучала в фильме Александра Рогожкина «Особенности национальной охоты» и «Сибириаде» Андрея Кончаловского.

ПОД РАКИТОЮ ЗЕЛЁНОЙ

Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал,
Ко груди, штыком пронзённой,
Крест свой медный прижимал.

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок;

Над ним вился чёрный ворон,
Чуя лакомый кусок.

«Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой!
Ты добычи не дождёшься,
Я солдат ещё живой!

Ты слетай в страну родную,
Отнеси маменьке поклон.
Передай платок кровавый
Моей жёнке молодой.

Ты скажи: она свободна,
Я женился на другой.
Я нашёл себе невесту
В чистом поле, под кустом;

Моя сваха — востра сабля,
И венчал гранёный штык;
Взял невесту тихую, скромную
И приданно небольшо.

Взял приданно небольшое —
Много лесу и долин,
Много сосен, много ёлок,
Много, много вересин».

Стихотворение Д. Ознобишина «Чудная бандура» послужило литературной основой для казачьей народной песни «Гуляет по Дону казак молодой», которая вот уже более полутора веков является едва ли не самой попу-

лярной в казьем фольклоре и воспринимается как подлинно народная. Хотя первоисточник — не только литературное произведение, но вдобавок ещё и переводное. Д. Ознобишин обработал шведскую народную балладу, которая, в свою очередь, относится к числу так называемых «бродячих сюжетов», совпадающих в фольклоре всех стран и народов.

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804 — 1877) — поэт, писатель, краевед, переводчик, собиратель фольклора. Изучал восточные и европейские языки, знал чувашский и мордовский. Автор первого персидско-русского словаря.

ЧУДНАЯ БАНДУРА

Гуляет по Дону казак молодой;
Льёт слёзы девица над быстрой рекой.

«О чём ты льёшь слёзы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, посватал тебя?»

— «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня,
С тобой обручили охотой меня!»

— «Родной ли, отца ли, сестёр тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»

— «С отцом и родимой мне век не пробывать;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребёнком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: «Утонешь в день свадебный свой!»

— «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу вёрст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам,
Вперёд будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон её принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берёт...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слёзы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».

В авторском варианте казак спасает утопшую героиню с помощью чудной бандуры. Народные версии от спасения отказались.

Много стихов русских поэтов, знаменитых и мало известных, обрели новую жизнь в песне. Какие-то прозвучали и забылись, какие-то стали по-настоящему народными песнями. В союзе с музыкой живут только произведения поэтов, постигших секрет песенности.

Иногда ими оказываются поэты, чьи имена в истории русской поэзии забыты, стихи затеряны в старых альманахах или нотных изданиях, а из всего, что было ими написано, живёт только то, что стало народной песней. Авторство многих широко распространённых песен и романсов пока ещё не установлено, и, возможно, кому-нибудь в будущем удастся раскрыть тайну их создания и назвать имена поэтов.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Андрей Сунгуров

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Мне вчера сказала мама:
— Скоро к нам зима придёт!
Я решил, что спать не стану,
Буду ждать её. И вот...

К дому подойдёт, сверкая
Снежной шубой, льдом звеня,
Вся огромная такая,
Позовёт гулять меня.

Значит, надо собираться!
Мишка, мячик... нет, не то...
Санки взять с горы кататься...
Шарфик, варежки, пальто...

Меховые унты брата,
Папин вязаный жилет...
Снег копать — нужна лопата,
Но лопаты дома нет.

Ладно, я возьму совочек,
И ведёрко я возьму...
Мама ахнула: — Сыночек!

Ты куда?
— Встречать зиму!

ПАПА ЧИТАЕТ ГАЗЕТУ

Мама воскликнула:
— Ой-ёй-ёй-ой!
Папа в газету ушёл с головой!
Я удивился,
Я испугался:
Без головы мой папа остался!

Как же теперь
Он пойдёт на работу?
Откроет ли дверь —
Непонятно мне что-то.

Вот это фокус:
Как папе бриться?!
Как он в автобус
Будет садиться?

Как он без шляпы
Пойдёт на рыбалку?
Бедного папу
Мне стало жалко.

Но вдруг газета зашевелилась.
У папы опять голова появилась!
Он потянулся, зевнул и сказал:
— Что-то я долго газету читал...

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

За эти часы нам с братишкой досталось,
Хорошая вещь была и... сломалась.
А слёзы обиды прячет подушка.
Как жалко часы, как жалко кукушку.

Мы думали: птичке несладко в неволе.
Пусть вольно летает в лесу или поле.
У птички должно быть птичье счастье!
И мы разобрали домик на части.

Елена Амбросова

СЕМЬ СЛОНИКОВ

СЕДЬМОЙ СЛОНИК. НЕ БОЯТЬСЯ ВЫСОТЫ

Семь белых мраморных слоников стояли по росту на книжной полке в бабушкиной комнате. Но Пашке казалось, что слоники куда-то неторопливо идут друг за другом. Он часто подходил к ним и шептал:

— Куда вы идёте?

Слоники делали вид, что не слышат, и никто из них даже не смотрел в его сторону. Хотя Пашка часто замечал, как они с полки следят украдкой за его играми.

Однажды Пашка подбежал к слоникам, схватил самого маленького, поднял высоко вверх и крикнул:

— Куда вы идёте?

И тут же услышал, как маленький слоник пропищал:

— Ну, кто-нибудь ответьте ему поскорее, а то я высоты боюсь!

— Ой! — воскликнул Пашка и сразу поставил слоника на полку.

Остальные слоники обступили малыша и стали успокаивать. А самый большой из них сурово посмотрел на Пашку и недовольно покачал головой:

— Нехорошо обижать маленьких.

— Я тоже маленький, — чуть было не заплакал Пашка. — А вы со мной не разговариваете и не рассказываете, куда идёте.

— А почему мы не рассказываем Пашке, куда идём? — поинтересовался второй по размеру слоник, с чёрной точкой на лбу.

— Потому что мы никуда не идём, а лишь топчемся на одном месте, — проворчал самый большой. — Самый маленький из нас высоты боится, а стоим мы на четвёртой книжной полке, поэтому он постоянно жмурится от страха.

— Ну, сам видишь: куда с таким пойдёшь? — обратился к Пашке слоник с точкой на лбу.

Пашка вздохнул, погладил маленького слоника и предложил:

— Вам надо доктора вызвать, чтобы он его вылечил.

— А почему мы его до сих пор не вызвали? — удивился слоник с точкой.

— Нет таких докторов, которые мраморных слоников лечат, — ответил большой слон.

Маленький слоник стал плакать.

— Хочу, чтобы доктор пришёл, — ревел он.

Пашке стало так его жалко, что он решил на час отказаться от своей мечты стать водителем экскаватора и поработать доктором.

«Самую глубокую яму в песочнице я уже выкопал, котлован на стройке ещё успею вырыть, — подумал Пашка. — А маленькому надо помочь и срочно что-нибудь придумать».

Пашка схватил красный фломастер, быстро нарисовал на руке крест и сказал:

— Я умею лечить мраморных слоников. У меня даже медицинский красный крест на руке.

Маленький слонёнок перестал плакать, а Пашка взял несколько цветных фломастеров и спросил маленького слоника:

— А кто не боится высоты?

— Парашютист, — ответил тот, — потому что у него парашют есть.

— Верно, — согласился Пашка. — Сделаем из тебя парашютиста.

И нарисовал на его спине парашют, а рядом с ним ещё один, запасной.

Слоник тут же успокоился и перестал жмуриться. Пашка раскрасил парашюты в разные цвета и решил, что пора уходить из докторов, и снова стал мечтать о работе водителя экскаватора.

Все слоники в благодарность Пашке закивали головами, а самый большой пообещал отвечать на все его вопросы.

Когда бабушка увидела разукрашенного слоника, она спросила Пашку:

— Маленькому слонику не тяжело носить два парашюта?

— Ему так доктор прописал, — ответил внук.

— Странно, — удивилась бабушка, — первый раз слышу о докторе, который лечит мраморных слоников.

ШЕСТОЙ СЛОНИК. УТРО И УШИ

Настенные часы показывали ровно шесть часов — самый большой слон открыл глаза. Он считал, что это лучшее время для того чтобы перестать спать. Но будил остальных слонов позже. Он каждое утро заботливо смотрел на спящих слоников и думал: «Пусть ещё немного поспят, пока не выросли». Через пятнадцать минут самый большой слон вдохнул побольше воздуха и протрубил:

— Доброе утро!

Послышалось недовольное бормотание, и только шестой слоник радостно крикнул в ответ:

— Бодрое утро!

Самый большой слон проворчал:

— Надо уши мыть. Я сказал «Доброе утро».

Слоники засмеялись. Громче всех смеялся шестой. В комнату вошёл сонный Пашка.

— Какие вы бодрые! — улыбнулся Пашка.

Шестой слоник выкрикнул:

— Потому что сегодня утро бодрое! И сейчас мы будем мыть уши.

Пашка перестал улыбаться и уже раздумывал, как улизнуть из комнаты. Он не любил ни чистить зубы, ни мыть уши. Но шестой слоник так заразительно смеялся, что Пашка тоже захохотал.

— Всё-таки утро бодрое и совсем не доброе, — забухтели слоники. — Придётся мыть уши.

— Чистыми ушами лучше слышно красивые песни, — отвечал шестой слоник.

— У нас их кто-то поёт? — спросил самый большой слон.

— Я пою, — ответил шестой слоник. — И только самые красивые. У меня прекрасный музыкальный вкус и слух.

— А мы ничего не слышали! — зашумели слоники.

И тут самый сонный слоник, пятый, он больше всех любил поспать, от удивления широко открыл глаза и присвистнул:

— Ооооо! Значит музыку я слышу наяву, а не во сне. И только я один! А вы мне постоянно говорите, что я всё на свете просыпаю.

Самый большой слон медленно почесал хоботом лоб и серьёзно произнёс:

— Я принял решение: все моют уши, с мылом. Пашка нам поможет.

Пашка кивнул и отнёс слоников в ванную. Взял свою зубную щётку и уже собрался мыть ею уши слоникам. Но шестой слоник как увидел, чем Пашка будет мыть им уши, прыснул со смеху:

— Пашка, утро и так бодрое! А ты решил защекотать нас своей зубной щёткой. Оставь её для своих зубов. Чистые зубы хорошо смотрятся с чистыми ушами.

Пашка нехотя поставил щётку на место. Помыл слоникам уши... и себе тоже. Потом подумал и почистил зубы.

Слоники долго благодарили Пашку. А самый большой слон важно произнёс:

— Да! Утро сегодня и доброе, и бодрое. Пусть и день таким же будет.

И все слоники с ним согласились.

Когда наступил вечер и самый большой слон протрубил отбой, пятый слоник, любитель поспать, тут же громко-громко захрапел. Остальные слоники стали недовольно ворчать:

— Как тут уснёшь!

Тогда шестой слоник улыбнулся и запел колыбельную — красиво и нежно. Храп прекратился, перешёл в музыкальный напев, и вскоре все слоники уже спали.

В комнату заглянул Пашка, когда шестой слоник допевал колыбельную.

— Как ты красиво поёшь! — восхитился Пашка.

— Большие и чистые уши — это сила! — прошептал слоник. — Они делают нашу жизнь более интересной.

— И более красивой, — добавил Пашка и, пропев «Доброй ночи», пошёл, улыбаясь, спать.

ПЯТЫЙ СЛОНИК. ДАЁШЬ ИМЕНА!

Пятый слоник любил поспать. Он засыпал раньше всех и просыпался позже всех. Часто дремал днём и слышал постоянно:

— Пятый, вставай! Пятый, не храпи!

Он открывал глаза и жаловался:

— Мне скучно! Зачем просыпаться, если ничего не происходит?!

Однажды самый большой слон собрал совет и объявил:

— Надо пятому занятие найти, чтобы ему было не скучно не спать.

— Только хочу занятие по душе, — сразу предупредил пятый слоник и тут же задремал.

Все задумались. Никому не приходило в голову, что же можно доверить слону, который постоянно спит. Тут четвёртый слоник, который часто вилял хвостом, предложил:

— Пусть он несколько раз в день нас пересчитывает. Кто согласен — поднимите хоботы.

Все подняли хоботы и даже пятый слоник в полудрёме.

В комнату вбежал Пашка. Он увидел слонов с поднятыми хоботами и с досадой произнёс:

— Во что-то уже играют, а меня не позвали.

— У нас совет слонов, — объяснил самый большой слоник. — А на совет слонов собираются одни слоны.

Пятый слоник, зевая, спросил:

— Что решили?

Четвёртый слоник радостно произнёс:

— Единогласно принято решение доверить тебе пересчитывать нас несколько раз в день. Я предложил. И ты тоже согласился.

— Хорошо-хорошо, сейчас всех пересчитаю, — нахмурился пятый слоник, досадуя на самого себя, что всё проспал, и стал сердито считать:

— Первый, второй, третий, четвёртый, пятый — это я, шестой, седьмой.

Слоны тут же заулыбались, а Пашка захлопал в ладоши.

— Справился, — радовались они.

Но пятый слоник был явно чем-то встревожен.

— Я когда себя пятым назвал, — начал он делиться со слониками, — почувствовал себя каким-то никаким. А я же из вас самый здоровый благодаря крепкому и долгому сну. Поэтому я теперь буду не пятый слоник, а Соник.

И Соник сразу расправил уши, оглядел гордо всех вокруг и поинтересовался:

— Может быть вы тоже хотите себе имена?

Все слоники подняли хоботы в знак согласия.

— Если все согласны, то я начинаю давать вам имена, — сказал Соник. — К первому, самому большому слону, мы будем обращаться по имени и отчеству — Слон Слонович.

Слон Слонович одобрительно закивал головой, а Соник уже внимательно рассматривал второго слоника.

— Второй слон похож на жителя Индии, — размышлял Соник, — у него точка на лбу. Поэтому имя должно быть индийское.

— Раджа! — крикнул Пашка. — Я недавно смотрел мультфильм про индийского богатого раджу, у которого было много золота.

— Мне подходит это богатое имя, — радовался Раджа, представляя себя золотым, а не из белого мрамора.

Третий слоник вдруг сообщил:

— А я посчитал, что мне лучше остаться «Слон Третий» потому что я математику люблю.

Четвёртый слоник, виляя хвостиком, спросил:

— А я? Кто же я?

— Кто же ты, дружок? — задумался Соник. — Ты придумал такое занятие, от которого мне стало не скучно. Ты — настоящий Дружок!

Дружок от радости подпрыгнул и завертелся вокруг себя.

Маленькие слоники, шестой и седьмой, с нетерпением ждали своей очереди. Только шестой весело напевал себе под нос «ля-ля», а у седьмого из глаз уже текли слёзы.

Соник посмотрел на обоих и обратился к седьмому слонику:

— Ты у нас самый маленький. Значит будем звать тебя Малыш. А как только подрастёшь — дадим тебе новое имя. Может быть даже и отчество.

Малыш тут же вытер хоботом слёзы и улыбнулся. Шестой слоник подмигнул ему и громко запел:

— Настала очередь моя: я буду с именем Ля-ля.

Соник на мгновение задумался и пропел в ответ:

— Настала очередь твоя. Получишь имя ты «Ляля».

И все слоны подняли хоботы и громко затрубили Сонику:

— Браво! Браво!

Соник же стоял, кивал головой в благодарность и думал о том, что ему совсем не хочется спать.

ЧЕТВЁРТЫЙ СЛОНИК. ХОЧУ СОБАКУ

— Я хочу собаку, — однажды сказал четвёртый слоник по имени Дружок.

Самый большой слон проворчал:

— Сейчас мы идём все вместе гулять.

— Я не хочу «все вместе», — потупил глаза Дружок. — Я хочу один... с собакой.

Слоники разволновались, стали перешёптываться, что Дружок с ними не хочет дружить, и только третий слоник третий спокойно сказал:

— Я посчитал, и у меня получилось, что раньше гуляли вместе семь слонов, а теперь их будет шесть.

Но тут дверь в комнату резко распахнулась, на пороге стоял Пашка, по щекам его текли слёзы.

— Хочу гулять один, — плакал он, — а родители не разрешают. Говорят, что я маленький.

Самый большой слон покачал головой и недовольно произнёс:

— У нас сегодня четвёртый слоник тоже заявил, что хочет гулять с собакой, а не с нами. А мы ему ничего плохого не сделали.

Пашка, вытирая слёзы, буркнул:

— Мне родители тоже ничего плохого не сделали. Я их очень люблю, но мне хочется гулять не только с ними.

Четвёртый слоник радостно завилял хвостиком:

— Вот и я всех люблю: и слоников, и Пашку, и собаку свою будущую уже люблю. Я её дрессировать по-доброму стану. Она много золотых медалей получит, если, конечно, захочет. Только я не знаю, где берут собак.

— Я знаю, где берут собак, — заулыбался Пашка.

Встал на цыпочки, и достал с полки, что была выше, белую фарфоровую собачку с чёрным ошейником. Торжественно поставил её к слоникам и объяснил:

— Эту собаку подарили моей бабушке очень давно. Она её сразу на полку поставила и никогда с ней не гуляла, а только тряпочкой протирала. Поэтому ей точно понравится гулять с Дружком.

Слоники обступили фарфоровую собаку, внимательно её рассматривали и одобрительно кивали головами.

— Хорошая собака! — говорили они. — Только жалко, что одного роста с нашим Дружком. Была бы поменьше, было бы лучше.

— Не надо ни меньше, ни больше, — возразил четвёртый слоник. — Мы будем с ней на равных, как настоящие друзья.

Фарфоровая собака радостно тявкала и виляла хвостом.

Тут Пашка спросил четвёртого слоника, где он собирается выгуливать свою собаку.

— Ой-ой-ой! — расстроился четвёртый слоник. — Как же я об этом не подумал?

Пашка вдруг хитро улыбнулся, подмигнул слоникам и потрепал собаку по голове:

— Я уже подумал и придумал. Дружок будет гулять с собакой на других полках. А я им в этом буду помогать, переставляя их с одной полки на другую.

Дружок и собака радостно завиляли хвостиками, а Пашка сразу повёл их гулять, поставив на полку ниже, подальше от края, чтобы они не свалились. Сам же побежал рассказывать бабушке, что теперь он выгуливает два раза в день слоника с собакой.

Бабушка обняла внука и сказала:

— Я с одной собакой не справилась, а ты взялся ещё и за слонёнком присматривать. Пойдём родителей обрадуем, какой у них стал взрослый сын.

ТРЕТИЙ СЛОНИК. ПОМОГУ НАПИСАТЬ ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ

Однажды Пашка пришёл к слонику третьему, который любил математику и умел хорошо считать.

— Мне нужна твоя помощь, — обратился Пашка к нему. — Я пишу письмо Деду Морозу. Хочу попросить у него мороженое на весь год. Посчитай, пожалуйста, сколько это точно будет, если я собираюсь есть два мороженных в день.

— Конечно, я тебе помогу, — согласился третий слоник. — Пиши в письме так: «Дедушка Мороз, подари мне на Новый год два мороженных».

— Какой ты умный! — самый маленький слоник в восхищении смотрел на слона третьего.

Пашка недовольно замотал головой:

— Нет! Ты неправильно посчитал. Два мороженных хватит только на один день, а мне нужно на весь год.

Слон третий улыбнулся и стал объяснять:

— Ты успеешь съесть только два мороженных, а остальное мороженое твои родители тебе не дадут, потому что они переживают за твоё здоровье. Лучше попро-

си Деда Мороза подарить тебе на Новый год чужих родителей. Они не будут волноваться за тебя и купят столько мороженого, сколько ты захочешь.

Услышав это, маленький слоник заплакал. Остальные слоны обступили его и начали утешать:

— Малыш, расскажи, что с тобой случилось?

— Пашку жалко, — плакал навзрыд Малыш. — Весь следующий год он будет болеть и жить с чужими родителями, которые о нём не будут заботиться.

— Какое несчастье, — заохали слоны. — Как же так получилось?!

Пашка растерялся и пробормотал:

— Третий, успокой слонов и объясни им, что я ещё точно не решил, какой подарок попрошу у Деда Мороза.

Третий слоник откашлялся и, улыбаясь, произнёс:

— Сейчас я вам всё объясню. Наш Пашка сам пишет письмо Деду Морозу. Так как он это делает впервые, то первая попытка написать письмо у него не получилась, и Новый год стал бы для него грустным праздником. Поэтому маленький слоник и плакал. Но я обязательно помогу Пашке написать хорошее письмо, чтобы все были счастливы.

Слоны перестали волноваться и тут же стали обсуждать, как не просто писать письмо Деду Морозу.

Самый маленький слоник вытер слёзы и обратился к слону третьему:

— Какой же ты умный! — И добавил: — А ещё очень добрый!

Пашка взял на руки слоника третьего, погладил его и прошептал:

— Я обязательно попрошу у Деда Мороза и тебе подарок.

— Нет-нет! — Третий слоник замотал головой и постарался сказать Пашке как можно тише: — Для меня одного не надо. Лучше напиши Деду Морозу, чтобы он подарил нашей семье слонов кружевную салфетку под ноги. Будет красиво, мягко и тепло.

Пашка кивнул и, улыбаясь, спросил:

— Только мне снова будет нужна твоя помощь: ошибки проверишь?

ВТОРОЙ СЛОНИК. ТОЧКА НА ЛБУ

Второй слоник, похожий на жителя Индии, с точкой на лбу, носил имя Раджа и часто задавал вопросы себе и другим. На прошлой неделе он спросил Пашку: «Почему все мои родственники слоны?» А сегодня, засыпая, он думал, сколько раз за день он улыбнётся.

Но утром самый маленький слоник, Малыш, обратился к Радже:

— Почему у тебя есть точка на лбу, а у нас её нет?

Раджа внимательно осмотрел лоб каждого слоника и шепнул Малышу:

— Вы свои точки стёрли?

— Ничего я не стирал! — крикнул Малыш и насупился.

Остальные слоники посмотрели на Малыша, который пробурчал:

— Почему Раджа постоянно задаёт странные вопросы?

Все сразу перевели взгляд на Раджу и молча стояли, вспоминая его вопросы. Раджа смутился, поднял хобот и стал тереть им точку на своём лбу. Никто из слоников не решался его спросить, зачем он так часто трёт свою точку. Но Раджа понял слоников и объяснил им:

— Я так лучше начинаю видеть.

В комнату вошёл сонный Пашка. Он зевал и тёр глаза. Раджа тут же обратился к мальчику:

— Почему твои глаза меньше не становятся и не исчезают, когда ты их трёшь?

Слоники подумали, какие странные вопросы задаёт Раджа, и с интересом ждали, что скажет Пашка. Пашка перестал тереть глаза и ответил:

— Это же глаза! Наоборот, они больше раскрываются, и я лучше начинаю видеть.

— Значит у нашего Раджи не просто точка, а третий глаз на лбу! — удивился Малыш.

Слоны с восхищением посмотрели на Раджу.

А Пашка поставил стул в центре комнаты, уселся на него и важно произнёс:

— Я знаю, что в Индии местные жители ставят точку на лоб и называют это третьим глазом. Видимо, наш Раджа настоящий индийский слон. У него три глаза, а у нас с вами по два.

Слон Слонович почесал хоботом свой лоб без точки и сделал вывод:

— Теперь понятно почему Раджа чаще других задаёт вопросы. Чем больше глаз, тем больше видишь, поэтому больше возникает вопросов. Всем ясно?

Слоны закивали головами, и только самый маленький слоник подумал: «Может быть на лбу у Раджи родинка?»

— Всё может быть, — сказал вслух Раджа и улыбнулся.

ПЕРВЫЙ СЛОНИК. ОТПУСК

После обеда Слон Слонович собрал совет слонов и объявил:

— Пашка хочет взять нас всех с собой в отпуск.

Слоники тут же стали пританцовывать от радости. Слон Слонович улыбнулся и продолжил:

— Я тоже обрадовался... но можно только одного.

Слоники замерли на месте и грустно затаили: «У-у-у». Слон Слонович одобрительно кивнул головой и произнёс:

— Молодцы! Вы уже сами поняли, что у-у-у Пашки так много любимых игрушек, книг, настольных игр, что всё не помещается в его рюкзак. Поэтому сейчас, в это же самое время, совещаются игрушечные машинки, роботы, разноцветные шарики и выбирают, кто поедет с Пашкой в отпуск. Он сам решить не может.

Слон Слонович сделал паузу и спросил:

— Кто из вас хочет с Пашкой в отпуск?

Все, кроме Слона Слоновича, подняли хоботы.

И тут в комнату вбежал Пашка с роботом в руке, посмотрел на слоников и крикнул:

— Уже проголосовали за Слона Слоновича?! Я так и знал, что вы легко справитесь. У вас всё понятно. Роботы тоже быстро выбрали отпускника. Только вот машинки ещё тормозят, а разноцветные шарики толкаются и ссорятся.

— Да-да-да, — закивали слоники, — нам проще простого было выбрать.

Пашка ухватил Слона Слоновича и быстро сунул его в свой карман.

— Нет-нет-нет, — зашумел из кармашка Слон Слонович, — я никуда не поеду. Мне за слониками присматривать надо.

Пашка растерялся и произнёс:

— Я ничего не понял. Кто из вас поедет со мной?

— Никто, — ответили слоники. — Куда же мы поедём, если Слон Слонович за нами здесь присматривает?!

Пашка вынул из кармана Слона Слоновича и поставил его на место. Остальные слоники тут же обступили его, а самый маленький крепко уцепился своим хоботом за хвост Слона Слоновича.

— Я всё понял, — обратился Пашка к Слону Слоновичу. — Если бы у тебя была возможность съездить в отпуск, куда бы ты отправился?

И Слон Слонович, не раздумывая, сказал:

— Сначала в Антарктиду, где много снега и пингвинов. Затем в Индию. Потом...

— Подожди, — перебил его Пашка и стал внимательно рассматривать корешки книг, которые стояли на полке за слониками.

— Что ты ищешь? — спросил Слон Слонович.

— Сначала Антарктиду, — ответил Пашка, вытаскивая большую книгу.

Он раскрыл её и поставил за слониками. На развороте книги была фотография пингвинов на снегу.

— Мой первый отпуск в Антарктиде! — обрадовался Слон Слонович и поинтересовался у слоников:

— Вам не холодно? Может быть уже в Индию махнём?

— В Индию только со мной, когда я вернусь, — предупредил Пашка и побежал собираться.

Семь слоников из белого мрамора стояли по росту на книжной полке в бабушкиной комнате и выпускали лёгкие облачка пара в морозный воздух.

ЗАГОВОРЩИКИ НА КАНИКУЛАХ

Мне тогда исполнилось лет семь или восемь, а моя троюродная сестра Ирка была на два года старше. Шли осенние каникулы, и родители на целую неделю оставили меня погостить у Иркиных родителей, в пятиэтажке на окраине города. День мы с сестрой дурачились, играли, смотрели телевизор — в общем, развлекались на полную катушку как могли. Вечером вышли погулять, проветриться.

Прямо за Иркиным домом расстилалась железнодорожная насыпь, слегка украшенная старыми одинокими яблонями.

— Ты умеешь лазать по деревьям? — спросила меня Ирка. Хотя отношения наши были дружеские, она любила разговаривать со мной чуть нравоучительно, как с малолеткой, делая поправку на два года разницы. Но я не обижался и даже не обращал на это внимания.

— Не знаю, — ответил я.

Ирка хмыкнула и полезла на яблоню, показывая, как это легко делается и как это вообще интересно. Я смотрел на неё с изумлением и завистью, она делала это ловко и совершенно бесстрашно. Зацепившись за большую ветку, Ирка стала, как обезьянка в зоопарке, раскачиваться туда-сюда, всё более заходясь в азарте игры.

Я не выдержал искушения и уже было собирался полезть за ней, как вдруг раздался громкий треск, заскользила перед глазами листва и отломившийся сук рухнул к моим ногам вместе с отважной Иркой. Она полежала немного, удивлённо моргая и глядя на меня,

тоже удивлённо моргавшего. Потом встала, отряхнулась и сказала решительно:

— Пошли домой. Спать пора.

Но меня беспокоил отломившийся сук. С ним яблоня была такой красивой, а теперь без него выглядела кособокой и уродливой.

— Жалко, — сказал я.

— Да ерунда, — усмехнулась Ирка, потирая голень, — не с таких высот падали!

— Яблоню жалко. — Я погладил ветку по листве.

Ирка снова усмехнулась, схватила меня за руку и потащила домой.

Полночи мы не могли уснуть. Впечатления дня не давали нам, уставшим, покоя. Вполголоса мы переговаривались с кроватей. Каждого волновало своё. Ирка была озадачена вопросом: чем же мы будем заниматься оставшиеся шесть дней? Меня больше занимала сломанная яблоня. Когда сестра заснула, я встал с кровати, подошёл к окну и долго вглядывался в темноту, пытаюсь разглядеть на железнодорожной насыпи покалеченное нами дерево.

Утром меня, не выспавшегося, разбудила Ирка.

— Вставай, — сказала она деловито. — Я всё придумала. Смотри!

И она повертела перед моим носом бумажным пакетиком, на котором большими красными буквами было написано «Бинт».

— Будем играть в больницу? — предположил я.

Ирка хихикнула и бойко убежала на кухню, где нас ждал приготовленный её бабушкой завтрак. Подкрепившись, мы отправились на вчерашнее место, на насыпь. Ирка подняла с земли уже начавшую чахнуть ветку,

приставила к месту отлома и велела мне держать. Потом принялась бинтовать дерево, приторачивая ветку к стволу. Ветка была довольно толстая, и чтобы она более-менее держалась, пришлось израсходовать весь бинт.

— И что? — спросил я, разглядывая нашу перевязку. — Думаешь, это поможет?

— А как же! — Ирка пожала плечами, как бы удивляясь моим сомнениям. — Это же дерево! По стволу бегут соки, по ветвям тоже бегут соки! Ты что, не знал? А, — вдруг поняла Ирка, — ты же ещё этого не проходил! Соки у деревьев — это как кровь у людей. Они питают всё дерево — ствол, ветки, листву... — Она почесала затылок, не очень понимая, какой же из этого следует сделать вывод. И наконец победно завершила: — А раз есть соки и они бегут, то всё срастётся!

Она потрогала ветку — та держалась довольно хлипко.

— Только знаешь что, — добавила Ирка уже более деловым тоном, — нам надо раздобыть ещё бинта. Боюсь, что повязка слабовата.

В домашней аптечке больше бинта не оказалось. Тогда сестра придумала хитрый план. Она попросила бабушку дать нам немного карманных денег — на мороженое.

— Костика угостить, — объяснила она, показывая на меня рукой. — Всё ж таки гость.

Бабушка выдала нам немного мелочи, и мы снова помчались на улицу. Я, конечно, в душе надеялся, что после покупки бинта мы сможем купить и мороженое, хотя бы один стаканчик на двоих, но Ирка все деньги до копейки истратила в аптеке, купила четыре упаковки широкого бинта и две — узкого.

— Зачем так много? — удивился я, когда мы вышли из аптеки.

Ирка остановилась и поглядела на меня осуждающе.

— А ты думаешь только твоя яблоня нуждается в перевязке? А другие деревья? Ты посмотри вокруг, разуй глаза! Гляди, сколько ломаных веток!

Я повертел головой и, к своему изумлению, понял, что Ирка была права. Вокруг было полно деревьев, кустов, и если присмотреться, многие из них были повреждены — надломленные ветки, переломанные сучья, содранная кора. Мне так захотелось помочь деревьям, что я сразу расхотел мороженое.

И мы принялись за дело. Мы отыскивали деревца с поломанными ветками, сестра перочинным ножиком подчищала места надлома, затем мы приставляли ветки к черенкам и обматывали бинтом. Поломанных деревьев и кустов в микрорайоне было много, и практически весь день мы потратили на это занятие. Но я ничуть не жалел — такое дело было мне по душе, хотя, признаться, я не очень верил, что в итоге ветви приживутся. Я воспринимал это скорее как увлекательную игру.

Купленного бинта нам хватило ненадолго. На следующий день Ирка с утра попросила денег у мамы. На мороженое, разумеется. Почему-то рассказать про деревья она не хотела да и мне велела помалкивать. В аптеке мы купили на все деньги ещё несколько пачек бинта и тотчас продолжили свою спасительную миссию.

Охватив все ближайшие посадки, мы стали расширять круг деятельности. В конце дня мы обрабатывали ивы возле речки, что текла с другой стороны железнодорожной насыпи. Когда довязывали последний моток, откуда-то из-за мусорных баков выскользнул пацан в

испачканных штанах и курточке с заплатами на рукавах. Он был едва ли старше меня, но выглядел так, будто круглые сутки трудился на каких-нибудь самых чёрных и тяжёлых работах — весь взъерошенный, закопчённый, угрюмый. На костяшках правой кисти были видны следы зелёнки, и такой же обильной зелёнкой было вымазано левое ухо. Я сразу насторожился, почувствовал его недоброе ко мне отношение. По тому, как он приближался и глядел на меня, было видно, что он с удовольствием бы меня побил, если б не старшая девчонка. За что? Да неважно за что. Похоже, именно предлог он и искал.

Я дёрнул Ирку за рукав. Она тут же всё поняла и, развернувшись лицом к незваному гостю, прикрыла собой перевязанную ветку, а заодно и меня.

Пацан остановился, как бы соизмеряя свои силы с силами моей сестры.

— Чего это вы тут задумали такое, а? — с ухмылкой спросил он и сплюнул на землю.

— А тебе какое дело! — грозно отрезала Ирка. — Мал ещё нос в чужие дела совать!

— Не такие уж и чужие, — не унимался пацан. — Это, между прочим, мой район, а вы тут хозяйничаете.

— Такой же твой, как и мой. — Ирка не сдавала позиций. — За гаражами у себя хозяйничай или на помойке. А тут — моё место, моя речка.

— Ну ладно, — скривил физиономию зеленоухий, — с тобой, положим, всё ясно, тебя я знаю, а это кто такой, а? Откуда взялся?

— Это мой троюродный брат, — объяснила Ирка. — Хорошист, между прочим. Советую от него подальше держаться. А то получишь от меня по второму уху. Со всем глухим станешь.

И в подтверждение своих серьёзных намерений Ирка подняла с земли увесистую палку. В этот момент раздался гудок поезда и мимо нас загромыхал тяжёлый состав. Это громыхание будто добавило Ирке убедительности и произвело на пацана должный эффект. Долго проходил поезд, долго смотрели друг на друга моя сестра и неприятный пацан. Воздушная волна шевелила их чёлки.

Как только поезд исчез и грохот закончился, пацан снова сплюнул и сделал шаг назад.

— Подумаешь, — скривил он физиономию. — Ещё посмотрим, кто тут хорошист...

Ирка победила. Пригрозив мне кулаком, незванный гость засунул руки в карманы и пошёл прочь, хитренько оглядываясь.

— Это Никитка-Пеликан, — пояснила Ирка, с жалостью глядя на удаляющуюся фигуру. — Отец у него пьющий, дерётся, когда выпьет. Вот Никитка целый день на улице и болтается, делать ему нечего.

— А почему Пеликан? — спросил я.

— Не знаю. — Сестра пожала плечами. — Похож, наверное. Или фамилия такая.

На следующее утро Ирка попросила денег у своего папы. Папа оказался щедрее всех. А вот аптекарша, узнав, сколько мы собираемся купить бинтов, насторожилась и посмотрела на Ирку с недобрым прищуром.

— Зачем тебе столько? — ехидно поинтересовалась она.

— Так у нас «Зарница», — ответила Ирка, ни на секунду не смутившись, — игра такая военная, раненых перевязываем.

— А-а-а, медсестра, значит? — чуть подобрела аптекарша.

— Ага, — кивнула Ирка и, показав на меня, добавила: — а это — медбрат. Троюродный.

В разгар дня, когда мы шли через детскую площадку, нас окликнула Иркина бабушка, сидевшая тут же на скамейке. Она подозвала нас к себе и стала с пристрастием допрашивать, что такое мы забыли в аптеке?

— Ах, в аптеке! А мы глюкозу покупали, — не моргнув глазом соврала Ирка. — Кисленькая такая. Костик очень любит.

Она перевела взгляд на меня.

— Костик, угости бабушку глюкозой.

Я оторопел, глядя на сестру.

— Ты что, уже всю съел?! Ну ты даёшь!

И пока бабушка не успела задать ещё какой-нибудь вопрос, сестра попросила у неё ещё денег — Костику на глюкозу. Бабушка вздохнула, покачала головой, но, посмотрев на мою растерянную физиономию, отсчитала нам мелочи — всё ж таки гость!

— Это Никитка-Пеликан, зараза, на нас наябедничал, — сердито сказала Ирка, когда мы исчезли из бабушкиного поля зрения.

— Почему ты так думаешь? — спросил я.

— Я видела, как он сегодня за нами из кустов подглядывал. Думала, что мне показалось.

Когда мы подошли к аптеке, Ирка сказала, что она здесь уже примелькалась и, стало быть, продавщица может что-нибудь заподозрить, поэтому теперь в аптеку должен идти я. Я к такому повороту был не готов и немного опешил.

— А что она может заподозрить? — спросил я Ирку испуганно.

— Что угодно! Ты что, взрослых не знаешь?! Подумает, что мы иностранные шпионы и этим бинтом собира-

емся подавать знаки другим шпионам. Или порезали кого-нибудь и собираемся его... перебинтовать.

Воображение у Ирки было богатое, но иногда буксовало. Вот и сейчас она сама поняла, что сказала какую-то ерунду, но признаваться не стала, а только махнула рукой и решительно подтолкнула меня ко входу.

— И глюкозу не забудь, — напутствовала она. — Одну упаковку, для конспирации — если бабушка вдруг спросит.

Я подошёл к аптечному окошку, положил на прилавок деньги и замер. От волнения не мог вымолвить ни слова. Продавщица смотрела на меня таким строгим взглядом, что я всем нутром почувствовал: она точно меня в чём-то подозревает! От этого я окончательно потерял дар речи и готов был убежать, но ноги у меня тоже онемели. Я стоял как вкопанный и, приоткрыв рот, издавал какой-то булькающий звук.

Продавщица нахмурила брови ещё сильнее и вдруг просияла, как бы что-то поняв.

— Опять за бинтами, медбрат? — спросила она насмешливо.

Я закивал.

— Очумели вы со своими каникулами, с «Зарницами» этими, — бубнила она, отпуская товар. — Скоро совсем бинта не останется.

— И одну упаковку глюкозы, — добавил я не своим голосом.

Я вышел из аптеки бледный, но гордый. Колени у меня дрожали, но в руках было несколько драгоценных пачек.

— Она ничего не заподозрила? — спросила Ирка с видом бывалого заговорщика.

Я помотал головой, хотя уверенности не было. И подумал, что навряд ли из меня выйдет конспиратор — со-

всем не умею врать и сохранять самообладание в острых ситуациях. Вот Ирка — молодец, она прямо рождена для секретов и авантур, она в этом ориентируется как рыба в воде и плюёт на опасности. Надо брать с неё пример.

Через пять минут мы уже снова занимались своим тайным делом. Часа два бродили по дальним окрестностям, отыскивали сломанные ветки и прибинтовывали их к повреждённым местам. Уже стало темнеть, когда мы забрались за гаражи и остановились возле нескольких молоденьких берёз. Мы принялись внимательно обследовать, не нуждаются ли они в нашей скорой помощи, и вдруг увидели, что одна из берёз в двух местах перебинтована! На белёсой коре повязка не сразу бросалась в глаза, но когда мы её разглядели, то даже остолбенели от неожиданности.

— Мы разве здесь уже были? — спросила Ирка, не сводя глаз с перевязанной ветки. — Это точно не мы вязали. Смотри, как коряво замотано, и узел какой-то дикий... Ничего не понимаю.

Я на всякий случай огляделся — уж не засада ли это? И в тот же момент мы услышали шум и увидели, что из-за гаражей к нам стремительно приближаются несколько взрослых. Три пожилые женщины бежали чуть ли не наперегонки, их крупные тела угрожающе сотрясались, а следом хромал хлипкий мужчина с палочкой. Мужчина чуть приотстал, а женщины уже через три секунды были почти что рядом с нами — убежать было поздно.

— Вот они, красавчики! — с одышкой кричала та из них, что бежала впереди всех и держала в руках фонарик. — Попались, хулиганье такое!

Я понял, что нас разоблачили. Сейчас нас арестуют, может быть, даже свяжут и будут судить как шпионов,

которые подавали другим шпионам знаки с помощью белых повязок на деревьях. Или как вредителей, которые оставили весь микрорайон без бинтов и по чьей вине несколько домохозяек, порезавшихся кухонными ножами, истекли кровью. В общем, я приготовился к худшему. Ирка, видимо, испытала такие же чувства, но она не потеряла самообладания, а сразу проделала всё необходимое: сначала отдёрнула руки от дерева, потом, как давеча у речки, прикрыла собой меня и перевязанную ветку и почти одновременно с этим ладонью заслонила своё лицо от фонарика.

— Ну что, голубчики, добаловались! — прошипела женщина, приблизившись к нам вплотную.

— Это не мы, — сказала Ирка с вызывающей уверенностью.

— Ну да, ну да, рассказывай! — Женщина решительно отодвинула сестру, больно схватила меня за плечо и ослепила фонариком.

— Этот? — спросила она у подоспевшего мужичка.

Тот приподнял рукой кепчонку, прищурился и очень внимательно изучил меня с головы до пят.

— Нет, — наконец заключил он с некоторым разочарованием, — это какой-то пришлый, приличный какой-то. А тот нашенский был, с району. О, вспомнил — ухо у него ещё зелёное!

— Тьфу! — махнула на него одна из преследовательниц. — Так это ж Никитка-Пеликан! Что ж ты сразу-то не сказал!

— Никитка? — Первая женщина отпустила моё плечо и отвела фонарик. — Пеликанов! Он в девятнадцатом живёт?

Преследовательницы воспряли духом и, совсем не передохнув, стремительно понесли свои крупные тела в сторону соседнего дома.

— А что он сделал-то? — крикнула Ирка. — Зачем вы его ловите?

— Не ваше дело! — на бегу ответила женщина с фонариком.

А мужчина, чуть задержавшись, повернулся к нам и, причмокивая губой, доложил негромко, как бы по секрету:

— Марлю он, стервец, стырил у Даниловны. Прямо с окна сорвал. Я сам видел. Ящики подставил и — ца п! А на первом этаже без марли кранты! Комары нонче вон какие злые!

— Да нет уже комаров-то, — сказала Ирка, — кончились в августе ещё.

— Много ты, дочка, знаешь про комаров. — Мужичок обиделся, что его доверительные слова взяли под сомнение, и похромал вслед за женщинами.

Мы с сестрой переглянулись и одновременно выдохнули с облегчением.

— Всё, пора завязывать с этим делом, — сказала Ирка со знанием жизни. — Точнее, развязывать. Пока нас окончательно не рассекретили.

— А что будет, если рассекретят? — поинтересовался я.

— Да уж поверь мне, ничего хорошего, — ответила Ирка и покачала головой.

Последний день моего пребывания у сестры начался невероятно рано — она разбудила меня в пять часов утра! Я смотрел в окно, где не было даже намёка на рассвет, и долго не мог понять, почему мы ночью должны куда-то идти. Но Ирка была так настойчива и сосредоточенно-деловита, что я — скорее по инерции, чем

сознательно — стал делать, как она велит. Мы тихонько оделись и неслышно, чтобы не разбудить родителей и бабушку, выскользнули из квартиры.

Когда мы вышли в пустой двор, как раз начало светать. Было холодно и сыро, железнодорожная насыпь была полностью поглощена густым туманом. Мне стало так неуютно, что я уже хотел попросить сестру вернуться, но тут тьма стала на глазах таять, и я увидел удивительную картину. Повсюду, где стояли деревья и кусты, проступали сквозь туман белые пятна, светились в предрассветной мгле бинтовые повязки. Это было похоже на какой-то древний праздник, на неизвестный обычай, на чудо. Первые солнечные лучи просачивались между стволов, подсвечивали всё вокруг розовым оттенком. Вспыхивали бликами подобия сигнальных флажков, всё отчётливей проступали между оголившихся ветвей аккуратные повязки, от дуновений ветра марлевые хвостики трепетали на ветру, и казалось, что деревья подают знак и приветливо машут кому-то. Кому? Нам с Ирккой — кому ещё! Я почувствовал, что сейчас должна зазвучать музыка — и она зазвучала: откуда-то издалека возникли торжественные фанфары и зависли на одной долгой и высокой ноте. Секунду спустя я понял, что это был всего лишь гудок приближающейся электрички — вот уже и состав промчался с резким воем, разогнав туман и выведя нас из созерцательного оцепенения. Спать больше не хотелось.

Мы принялись осторожно развязывать бинты.

Отчётливо помню восторженное сердцебиение в своей груди, когда, снимая повязку, я обнаруживал, что ветка приросла, а рана затянулась. Мы снимали повязку за повязкой, скручивали бинты — и везде результат был одинаковый: зажило, срослось! Кое-где виднелись шра-

мы, смещения, но, тем не менее, всё держалось прочно, бинты уже были не нужны. Всего за каких-то трое суток сломанные деревья снова стали целыми! Я не мог в это поверить, но щупал, гладил зажившие места — и убеждался, что это не сон и не фокус.

— Соки! — многозначительно произнесла Ирка, видя мой ошарашенный взгляд.

— Волшебство! — предположил я.

— Да ну тебя! — усмехнулась сестра и посмотрела на меня свысока. — Вечно ты про своё волшебство! Это же наука такая — природоведение!

Я подумал, что это, должно быть, хорошая наука, полезная. И, погладив очередное сросшееся место, сказал серьёзно:

— Хочу быть природоведом.

Ирка почему-то засмеялась, взяла меня за руку и потащила домой — мы должны были успеть вернуться до того, как проснутся взрослые.

На душе было радостно, и, очутившись в кроватях, мы долго хихикали. Сна не было ни в одном глазу. Ирка радовалась, что мы такие ловкие, что обманули всех взрослых — и её родителей, которые не заметили нашего отсутствия, и тех женщин, которые искали Никитку-Пеликана, а утром, возможно, будут искать следы его «вредительства». Будут искать — а следов-то и нет! Ведь мы и его неуклюжие повязки из рваной марли тоже сняли, на всякий случай.

Я радовался другому — тому красивому волшебству, которое мы с сестрой сотворили своими руками. Радовался за деревья.

Единственное, что беспокоило Ирку, это использованные бинты. Мы сложили их в полиэтиленовый пакет и

спешно сунули в узкое окошко подвала возле парадной. Теперь Ирка думала, что мы сплеховали — а вдруг кто обнаружит и выбросит? Бинтов там была уйма, они могли пригодиться для других деревьев.

— Давай днём притащим их домой, — предложил я, — спрячем здесь, в шкафчике.

— Ты что! — нахмурилась Ирка. — А если бабушка найдёт?!

И она повертела пальцем у виска, намекая на то, что я несу полную чушь.

Я наконец решился спросить сестру о том, что волновало меня все эти дни. Момент был самый подходящий.

— Послушай, Ирка, — сказал я. — А почему мы не говорим взрослым правду? Почему мы всё время выдумываем, выкручиваемся? Мы же не делали ничего плохого. Лечить деревья — это же не хулиганство. Почему мы должны это скрывать?

Ирка от таких вопросов аж подпрыгнула на кровати.

— Ты что, правда ничего не понимаешь? — нахмурилась она. — Это же взрослые — они же не поверят! Ты что, взрослых не знаешь?!

И сестра всем видом дала мне понять, что она старше меня на два года, а значит — мудрее и опытнее. Махнула на меня рукой, легла, накрылась с головой одеялом и притихла.

А я так и не смог уснуть. Я поглядывал в окно и смотрел, как падают с ветвей последние листья. Слушал, как проезжают гружёные поезда, и думал о науке природоведении, о соках, которые текут внутри деревьев, о Никитке-Пеликане, об осени, о чудесах, о неотступно приближающемся конце каникул. Мне было радостно и немного тревожно.